

ГЕНРИХ
САПГИР
ПРОВЕРКА
РЕАЛЬНОСТИ

(IV)

Генрих Сапгир

**Собрание сочинений. Т.
4. Проверка реальности**

«НЛО»

Сапгир Г. В.

Собрание сочинений. Т. 4. Проверка реальности / Г. В. Сапгир — «НЛО»,

ISBN 978-5-44-482371-2

Новое собрание сочинений Генриха Сапгира – попытка не просто собрать вместе большую часть написанного замечательным русским поэтом и прозаиком второй половины XX века, но и создать некоторый интегральный образ этого уникального (даже для данного периода нашей словесности) универсального литератора. Он не только с равным удовольствием писал для взрослых и для детей, но и словно воплощал в слове ларионовско-гончаровскую концепцию «всёчества»: соединения всех известных до этого идей, манер и техник современного письма, одновременно радикально авангардных и предельно укорененных в самой глубинной национальной традиции и ведущего постоянный провокативный диалог с нею. В четвертом томе собраны тексты, в той или иной степени ориентированные на традиции и канон: тематический (как в цикле «Командировка» или поэмах), жанровый (как в романе «Дядя Володя» или книгах «Элегии» или «Сонеты на рубашках») и стилевой (в книгах «Розовый автокран» или «Слоеный пирог»). Вошедшие в этот том книги и циклы разных лет предполагают чтение, отталкивающееся от правил, особенно ярко переосмысление традиции видно в детских стихах и переводах. Обращение к классике (не важно, русской, европейской или восточной, как в «Стихах для перстня») и игра с ней позволяют подчеркнуть новизну поэтического слова, показать мир на сломе традиционной эстетики.

ISBN 978-5-44-482371-2

© Сапгир Г. В.

© НЛО

Содержание

КОМАНДИРОВКА	11
«Взвод...»	11
«Женщина сморозила глупость...»	12
«Правда...»	13
«Я пьян...»	14
«Красные портьеры...»	15
«Пойти в кино...»	16
«Говорили...»	17
«Опьянел после первой рюмки...»	18
«Посреди белесой тундры...»	19
«Дети...»	20
«За гостиницей белое поле...»	21
«В архангельских лесах...»	22
«Продается...»	23
«Север теперь не страшен...»	24
«Впечатление впечатано в снег...»	25
«– Кто ты дух?...»	26
«Небо весело...»	27
«Над морем вспышка...»	28
«Вы пьете пиво...»	29
В АЛЬБОМ	30
«Истосковался...»	31
«Ты – моя Лаура...»	32
«Наплевать...»	33
«Озираюсь...»	34
«Вертолет...»	35
«Памятник жертвам интервенции...»	36
«– Не знаете вы Севера...»	37
ЭЛЕГИИ	38
ПРОЛОГ. СЧАСТЬЕ	38
ПОЛУДЕННОЕ БЕЗУМИЕ	40
АРХАНГЕЛЬСКОЕ	41
ПОХМЕЛЬНАЯ ПОЭМА	42
О СМЕРТИ	43
ОШИБКА	44
ВСТРЕЧА	45
АКТ	46
ПОРТРЕТ КАРДИНАЛА	47
ПЕТУШИНАЯ ГОЛОВА	48
СЕРДЦЕ ОТЦА	49
ВЕТЕР	50
ПАДЕНИЕ	51
ПЕРЕЕЗД	52
ЭЛИЗИУМ	53
ГОЛОВА БУДДЫ	54
НОВЫЙ АФОН	55

СЛЕПОЙ И МОРЕ	56
ОСВОБОЖДЕНИЕ	57
САД	58
13 СИМФОНИЯ	59
ВЕСНА В ФИНЛЯНДИИ	60
ЗНОЙ И ВЕТЕР	61
ДОХЛАЯ КОШКА	62
О ЛЮБВИ	63
КРАСАВИЦА	64
ПОСОЛ СОЛНЦА	65
СОН ЗЕМЛИ	66
РАДОСТЬ	67
ЭПИЛОГ. СТИРКА	68
СОНЕТЫ НА РУБАШКАХ	69
ТЕЛО	69
ДУХ	70
ОНА	71
ПОЛИФОНИОН	72
ПРИАП	73
ЧЕМОДАН	74
РУКОПИСЬ	75
1. ФРИЗ РАЗРУШЕННЫЙ	76
2. ФРИЗ ВОССТАНОВЛЕННЫЙ	77
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СОНЕТЫ	78
1. ЗВЕЗДА	78
2. ОГОНЬ	78
3. ВОДА	79
4. ЗЕМЛЯ	79
СОНЕТ-ВЕНОК	80
СОНЕТ О ТОМ ЧЕГО НЕТ	81
ПЬЯНЫЙ СОNET	82
1. НОВОГОДНИЙ СОNET	83
2. СОNET – КОММЕНТАРИЙ	84
ЗИМОЙ В МАЛЕЕВКЕ	85
НЕОКОЧЕННЫЙ СОNET	86
РВАНЫЙ СОNET	87
СОNET ВО СНЕ	88
МИЛЕДИ	89
СОNET С ВАЛИДОЛОМ	90
СОNET ПЕТРАРКИ-1	91
СОNET ПЕТРАРКИ-2	92
ПОДМОСКОВНЫЙ ПЕЙЗАЖ С КУКЛОЙ	93
СОNET-СТАТЬЯ	94
НЕЧТО – НИЧТО	95
ПЕЙЗАЖ С ДОМОМ ТВОРЧЕСТВА БОЛШЕВО	96
БУДДА	97
СПЯЩИЙ БУДДА	98
ДИАГРАММА ЖИЗНИ	99
ПУТЕВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ	100

ПРОГУЛКА В ИВАНТЕЕВКУ	101
МЫСЛИ	102
ВЕЧЕРНИЙ СОНЕТ	103
ОКНО	104
СОНЕТЫ ИЗ ДИЛИЖАНА	105
1. ГОРОДОК	105
2. СМЕРТЬ КРОТА	105
3. МОНАСТЫРЬ ГОШ	106
4. ЕРЕК ВАГАНЦ	106
5. ПОЛЯНА В ГОРАХ	106
МУЗА	108
КОКТЕБЕЛЬ	109
ПИЦУНДА ЗИМОЙ	110
СТОЛИЦА	111
ПИТЕР	112
ЛЮБОВЬ	113
СПЯЩИЙ	114
БОРИС ГОДУНОВ	115
МОСТ	116
ЦВЕТЫ С ОКРАИНЫ	117
БЕССТРАШНАЯ	118
ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ	119
ВСТРЕЧА	120
УРАЛ ЗИМОЙ ПЯТИДЕСЯТОГО	121
МНЕ 12 ЛЕТ	122
ВОРОНА	123
ПОЭЗИЯ ЗЕМЛИ	124
СОНЕТ ДАНТЕ АЛИГЬБЕРИ	125
НИКИТСКИЙ САД	126
СОНЕТЫ-89	127
ДЖОЙС	127
ПРИШЕСТВИЕ	127
БИБЛЕЙСКИЕ СОНЕТЫ	128
ДИАГНОЗ	129
ПОРТРЕТ АННЫ КАРЕНИНОЙ	130
РАЗНОЕ ОБ А. С. ПУШКИНЕ	130
ДЕТЕКТИВ	131
БОДАЛСЯ ТЕЛЕНОК	131
ГОДОВЩИНА ОКТЯБРЯ	131
ДЕТСТВО	132
МОСКВА КОНЦА ВЕКА	132
ИЗ АЛЬБОМА	133
ГОЛЕМ	133
МЕЙЛ-АРТ	134
ПАРИЖ	134
ЭТО ВСЕ О ПАРИЖЕ	135
СОНЕТ	135
РУНДАЛА	137
СТИХИ ДЛЯ ПЕРСТНЯ	141

ГОЛОС	141
КУВШИН	142
ХРАМ	143
РИСУНКИ	144
ЗАРОДЫШ	146
ЭКСПОНАТ	148
СТИХИ, КОТОРЫЕ НАПИСАЛ БЫ МОЙ УЧИТЕЛЬ	149
ЕВГЕНИЙ ЛЕОНИДОВИЧ КРОПИВНИЦКИЙ, ЕСЛИ БЫ БЫЛ ЕЩЕ ЖИВ	
ВЕРШИНА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ	151
ПУТЫ	156
ВСТРЕЧА	167
ИКОНА	167
СЕКТА	168
«Я-то думал это где-то там...»	169
«Боюсь контакта – помню: не коснусь...»	170
СОЧИНИЦА	171
ТОРОН	172
МУУХ	175
НА СКЛОНАХ ДАКАРАГА	176
ПРОЛЕТАЯ	178
ЧУДОВИЩЕ	179
ВСТРЕЧА	181
ПЕСНЯ	182
СТРАЖИ	183
ЖУРХА	184
ШАРДАХЛА	185
ХЛЕН	186
В ПУТИ	187
СОТ В СОТ	188
В САДУ	189
ОЧЕВИДНОЕ	190
БОЛШЕВО ЗИМОЙ	191
АРМАГЕДДОН	192
АНГЕЛЫ СЛЫШАТ	193
ДАМОН	194
ВЕСЕННЕЙ НОЧЬЮ	195
ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО КАРАДАГУ	196
ФОРМА ГОЛОСА	196
«навстречу кругу, выцветшему флагу...»	196
«проснувшись, ощутил себя двумя...»	196
ПЕЙЗАЖ ВО СНЕ	197
ВНИМАЮЩИЙ	198
ПАМЯТЬ	199
ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО КАРАДАГУ	201
МНОГОНОЖКА НА АСФАЛЬТОВОЙ ДОРОЖКЕ	203
РУССКАЯ ЛИРИКА	205
ПОХВАЛА ПУСТОТЕ	206
ФЕНОМЕН	208

ПРОХОЖИЕ	209
«загорелая рука перетекала в темную кисть винограда...»	210
ПУТЬ МЕТАФОРЫ	211
ВЗГЛЯД ЯБЛОКА —	212
ПИРАМИДА —	213
ЯСНОВИДЯЩАЯ —	214
Конец ознакомительного фрагмента.	215

Генрих Сапгир

Собрание сочинений. Том

4. Проверка реальности

Новое литературное обозрение

Москва

2024

УДК 821.161.1

ББК 84(2=411.2)6

C19

Руководитель редакционной коллегии – Ю. Б. Орлицкий

Генрих Сапгир

Собрание сочинений. Том 4: Проверка реальности / Генрих Сапгир. – М.: Новое литературное обозрение, 2024.

Новое собрание сочинений Генриха Сапгира – попытка не просто собрать вместе большую часть написанного замечательным русским поэтом и прозаиком второй половины XX века, но и создать некоторый интегральный образ этого уникального (даже для данного периода нашей словесности) универсального литератора. Он не только с равным удовольствием писал для взрослых и для детей, но и словно воплощал в слове ларионовско-гончаровскую концепцию «всёчества»: соединения всех известных до этого идей, манер и техник современного письма, одновременно радикально авангардных и предельно укорененных в самой глубинной национальной традиции и ведущего постоянный провокативный диалог с нею. В четвертом томе собраны тексты, в той или иной степени ориентированные на традиции и канон: тематический (как в цикле «Командировка» или поэмах), жанровый (как в романе «Дядя Володя» или книгах «Элегии» или «Сонеты на рубашках») и стилевой (в книгах «Розовый автокран» или «Слоеный пирог»). Вошедшие в этот том книги и циклы разных лет предполагают чтение, отталкивающееся от правил, особенно ярко переосмысление традиции видно в детских стихах и переводах. Обращение к классике (не важно, русской, европейской или восточной, как в «Стихах для перстня») и игра с ней позволяют подчеркнуть новизну поэтического слова, показать мир на сломе традиционной эстетики.

В оформлении обложки использован фрагмент фотографии Г. Сапгира. Фотограф И. Пальмин. Москва, 1975 г.

ISBN 978-5-4448-2371-2

© Г. В. Сапгир, наследники, 2024

© С. Артёмова, состав, послесловие, 2024

© Н. Агапова, дизайн обложки, 2024

© ООО «Новое литературное обозрение», 2024

КОМАНДИРОВКА (25–29 МАРТА 1964)

«Взвод...»

Взвод!
Равняйся! —
айсь... айсь... айсь...
Рассчитайся!
В—вашу мать
Подтяни живот
А за корпусами
Убедитесь сами
Завод
Кру—гом!
На работу бе—гом!
Весь мир —
Армия

«Женщина сморозила глупость...»

Женщина сморозила глупость

А он улыбается

Улыбаются

Его яйца

Улыбается

Сок ему в пасть!

«Правда...»

Правда!
Равда!
Авда!
Вда!
Вдарь!
Да... правда

«Я пьян...»

Я пьян
На краю земли

За северным полярным кругом
Голова идет кругом
Город —
Порт
Любовь —
Спорт
Еда —
Спирт
И болотная вода

«Красные портьеры...»

Красные портьеры
Розовые стены
Голубая комбинация
И комбинация
Из этих цветов
И я готов... уже готов...

«Пойти в кино...»

Пойти в кино?
Или выпить еще?
Или спать завалиться?
Командировочному скучища!

Одна луна как белена
За северным полярным кругом

«Говорили...»

Говорили
И тут солнышко светит
Говорили
И тут люди живут
Не верю
Третий день ни с кем не заговариваю
Боюсь
Вдруг не ответит

«Опьянел после первой рюмки...»

Опьянел после первой рюмки
Смотрит птичьими глазами
И несет белиберду
– Я, говорит, его найду
Черные пальцы сжимают вилку
Бледное веко подмигивает
– Сам понимаешь, графит...
Как древесина
Весь источен
Худой
Как мученик
Рабочий

«Посреди белесой тундры...»

Посреди белесой тундры
Шатаются *андры*
И *ондры*
Машут крыльями *индры*
И посвистывают *сондры*
Кондры
Опускаются на снег
В глубине белесой тундры
Замерзает человек

«Дети...»

Дети
Орут во дворе
Как эти
Ну как их – *кураре*
(Не кураре
Кураре – это яд)
Как *шимпанзе*
Они визжат
Они голосят
Как *Еще Не Люди*
А полярное Солнце
Уходит за Белое море
И на полгоризонта —
Закат
И завод

«За гостиницей белое поле...»

За гостиницей белое поле
Это поле —
Северный полюс
– Товарищ Папанин
Как вы сюда попали?

«В архангельских лесах...»

В архангельских лесах
Спасался некогда монах
Давно на небесах
Монах
Мы валим лес
И водку пьем
Темно
В архангельских лесах

«Продается...»

Продается
Навоз
На вес
Золота

А мне не надо задарма
Не надо этого дерьма

«Север теперь не страшен...»

Север теперь не страшен
Водка-ленинградка
Масло из Ярославля
Халва из Москвы
Крупнопанельные дома
Дом Культуры
На тысячу с лишним мест
И еще плакат
КТО НЕ РАБОТАЕТ – НЕ ЕСТ

«Впечатление впечатано в снег...»

Впечатление впечатано в снег

Когда у меня хорошее настроение, стихи сами сочиняются. Только не до конца... без рифмы...

(Мальчик из Северодвинска)

Уедешь ты Иосиф
В архангельские леса
Отбывать срок
Отбывать срок
Рыжебородый
Нашей породы —
Пророк

Там будешь ты Иосиф
Бродить пилу забросив
Стихи читать над озером
В бараке творить чудеса

И вновь населят архангелы
Архангельские леса

«– Кто ты дух?..»

– Кто ты дух?
– Серафим!
Сто глаз
Шесть крыл
Свет исходит от берез
Воздух
В воздухе плывет
А в шести верстах —
Завод

«Небо весело...»

Небо весело
Как на полигоне
Т – антенны нацелены
Как ракеты
Голуби
Кружатся и планируют
Смотрит соседка
– Что там —
В порту?
– Подводная лодка
Уходит в море

«Над морем вспышка...»

Над морем вспышка
Свет!
Свет!
СВЕТ!
Молниеносно
Свят!
Свят!
СВЯТ!
Явилось
Воинство Господне
И ВЗГЛЯД
Испепелил меня

«Вы пьете пиво...»

Вы пьете пиво
Из кружек
Тянете
Из бутылок
Американское пиво
Запаивают в жестяные банки
Как рыбу в томате
А у нас
Наливают пиво
В пластмассовые мешки

В АЛЬБОМ

В Северодвинске
Живут по-свински

«Истосковался...»

Истосковался
По бедрам
И шее
По маленьким смуглым соскам
Когда она ступает
Она ТАК ставит ноги —
Икры врозь
Колени вместе
Когда она курит
Она забрасывает ногу за ногу
Юбка ползет вверх
И можно себе представить
Какова она когда спит

«Ты – моя Лаура...»

Ты – моя Лаура
Дура
Ты – моя Лаура!
Белая голубка
Брось ворковать
Со штурманом
А не то я турну его так...
Ты же знаешь
Что я – поэт
И приехал на самый край света
Чтоб увидеть тебя – дуру
Лауру

«Наплевать...»

Наплевать
Что завод
Наплевать
Что зовет
Наплевать
Я заводной
Если пропущу
Триста грамм
Ни одной девки не пропущу

«Озираюсь...»

Озираюсь
Как ворона
Залетевшая в чужой город
– У, какой черненький!
Это пьяная девушка
– Идем на пароход
У нас компания – Петя Митя Катя
– Не могу карр
Улетаю
– Когда?
– Сейчас

«Вертолет...»

Вертолет
Пошел на солнце
И вот
Внизу – среди болот
Завод
И город —
Исчадье завода
Прощай
Ни худого тебе – ни хорошего
Прощай

«Памятник жертвам интервенции...»

Памятник жертвам интервенции
РАССТРЕЛЯНЫ 1 мая 1919
РАССТРЕЛЯНЫ 22 июня 1942
РАССТРЕЛЯНЫ
РАССТРЕЛЯНЫ
РАССТРЕЛЯНЫ
На ступенях солнце и подтаявший ледок

«– Не знаете вы Севера...»

– Не знаете вы Севера
В озерах много рыбы
Леса богаты зверем
Плоты плывут по рекам
Построим новый город
Как дважды два – четыре

Приятно побеседовать
С хорошим человеком

ЭЛЕГИИ (1967–1970)

ПРОЛОГ. СЧАСТЬЕ

Я вышел на балкон
Спокойно
Уже шагнул через перила
Ах
Земля встречает лоб
Шмяк...
А вокруг – шмыг шмыг шмыг шмыг
Из подвалов из помоек
Из железных гаражей
– Что случилось – чилось – чилось – чилось – чилось
– Это кровь – овь – овь – овь – овь?
– Он откуда – уда – уда – уда – уда?
– Так и надо – ада – ада – ада – ада!
– Бедняга...
Муравей на палец влез
Тоже недоумевает
Агент достал свое стило
– Как это все произошло?
– Это дело – эла – эла – эла – эла
– Посещала – ала – ала – ала – ала
– А подруга изуверка – верка – верка – верка
– Бедняга...
Рассуждения пожелания
Философские обобщения
Сегодняшние известия
И завтрашняя погода
Так!
Я видел
Как сильным ветром
Чаяк сносило
Над иссиня коричневым морем
Всеми пустыми костями
И полыми перьями
Косо простерт
Я кричал
Я кричал по-кошачьи
Над кефалью
Над чудовищным Нечто
Что в пене и брызгах
Летело ко мне

Так!
Я любил эту землю
Из окна самолета
Как чужую планету
И просто в лесу на лугу
Жесткие желтые пижмы
Если выжать и сдуть
На пальцах останется
Запах желтый пушок
Лист полыни сорвать
Растереть...
Н Е Т
Не умею понять!
Запах звучит
Как гром
Море пахнет
Как женщина
Голоса то желтые
То фиолетовые
Все это слишком громко
И огромно
Дверь над Москвой
Раскрыта
Но это не полное счастье
Счастье – свобода —
П а д е н ь е

Что вы? О чем говорите?
Оставьте меня пожалуйста
Я уже т а м
Где т а м ?
З д е с ь
Где з д е с ь ?
Т а м

ПОЛУДЕННОЕ БЕЗУМИЕ

«С ума сойти» – гладит и печет – «Ну в общем психопатка» – просвечивает лист ландыша – витая свеча – «стояла у твоих окон и смотрела» – жгло сердце – вчера мы провожали Машу – ПОНТ АВЕН – гладит и печет – сирень увяла – (я это знал) – принципы мовизма – «загравлена по телефону» – акустика мистика – солнце просвечивает – оптика эпилептика – сквозь увядающую сирень – г л а д и т и п е ч е т – «поэзия – отдать язык» – с ума сойти! – «между поэтом и обществом связи чисто негативные» – (я это знал) – «конечно психопатка» – гладит и печет у в я д ш а я с и р е н ь – печет невыносимо! – в окне балкона – ПОНТ АВЕН – голубь промелькнул – темная зелень поблескивает – печет и ж ж е т – прохладно волнуется – сквозь шелковый платок – радужная призма – принципы мовизма – «конечно психопатка» – сладкий запах увядшей сирени – печет зеленое сукно – с у м а с о й т и о т – гладит и печет

АРХАНГЕЛЬСКОЕ

Европа – Юлий Цезарь – Азия – Вакх – геральдические львы (один похож на Холина, другой – на меня) – уступами просторной планировкой – балюстрада ступени – вдоль газонов с двух сторон – все ниже ниже – санаторий спокойные больные – ниже к Москве реке – и снова луг – и выше роща – и вверх уступами далекие леса

И тут два московских поэта-философа – спор и поток информации – отбор информации – ассоциации – «Какие к черту ассоциации?» – прямо в упор еще теплые свежестрепещущие – зеленая зелень! – небесное небо! – и солнечные воды! – и вопли – и голые пятки – (живу!) – летящие в воду – и мои – и твои – и его ощущения

И превращения: время исчезло – музейные кресла – ты видишь картину какого-то века – я вижу: грека-негоцианта царицу царя генерал-адъютанта – ты видишь: левкой левкой левкой – я вижу: лакеи лакеи лакеи – Юсупов и длинные доги стоят на пороге дворца – и нас кто-то видит гуляющих в парке и видящих все что мы видим – и этого «кто-то» и нас и царей и богов другой обязательно видит – и этого тоже – и так без конца

Я слушал вчера пианиста (Джон Броунинг) – и в амфитеатре паря над огромною залой как чистые звуки Шопена – я вспомнил:

каменные скамьи – и беспредметный спор – и солнце – гримасы мраморные в солнце – полифония построенья – и желтая гроза на горизонте

я понял – (пальцы пианиста – взмок от напряжения – улыбка похожа на рыдание – аккорды!) – что основное это планировка – просторная – широкие ступени – все выше выше – и река луга – и дальше лиловые леса до истончения зрения и слуха

И – (если верно выбрать угол падения и отражения) – все есть! – всегда! – одновременно! – Джон Броунинг и Юсупов – автобус и философ – и лес и ресторан – и все подряд поэзия: музей – приехали на дачу – холодная бутылка пива – транзистор – «кажется гроза» – читаю чьи-то мемуары – велосипед – веселая Алиса – и девушки и небо и вода – АРХАНГЕЛЬСКОЕ и МОСКВА

И краснолапый голубь на балконе
Как вылепленный
Смотрит на меня

ПОХМЕЛЬНАЯ ПОЭМА

Георгио Баллу

Матрешка – чертова Матрена – деревянный в цветах и колосьях живот – (я – из него, он – из кого-то) дурак рождает идиота – и тут внутри еще какой-нибудь балбес

Друг Жора мы с тобою влипли – поблескивает риза алтаря – хоть перекраситься в индейца – мы тут – нам никуда не деться – мы любим купола церквей – и небо низкое – поля и перелески – проще говоря мы русские – и что ни говори – как русские и каждый раз с похмелья обречены решать свои треклятые вопросы

Правдоискатель князь Хворостинин
Лжеклассичный Ломоносов
Ученый русский дьяк О! Тредьяковский О!
Мурза самодержавный Державин
Пушкин – полурусский полубог
И Блок —
Кудрявый как цыган профессорский сынок
И Хлебников как хлеб и как венок
И ты и он и все —
Р о с с и я
Р о к

Дождь зарядил – нас мучат мысли о бесплодии – уже не день не год слышать небытие – отяжелела зелень – мы чувствуем свою нелепость – сомнительно поблескивают крыши – свою огромность и свою ненужность – и небо кажется устало от дождя

И все равно нам – не двадцатилетним
Нам нынешним а не вчерашним
И все равно нам не взирая на!
Спокойно повествуя о страшном
Опохмелясь без лишнего веселья
(Мы любим жизнь-старуху)
Рыгнем похлопаем себя по брюху
Затем благословясь беремся за перо

О СМЕРТИ

Оса искала следы какао – ползет – по липким доскам дачного стола – детсад – отклеивая лапки – разглядываю близко-близко – на жопке ядовито-желтые полосы – ужасно хочется потрогать

И больше ничего не помню кроме большого страха в темном доме – когда проснулся ночью весь в слезах – и понял – это Я – и все что происходит – в самом деле – со мной – в трусах и майке – трет резинка – Я – а не другой умру – Меня не станет – МЕНЯ на самом деле – а не того о ком я думал – это я —

Все дети спят – а ночь гудит от ветра – пахнет слежавшимся матрасом – маленькое сердце: мама! мама! – и дерево наполненное бурей огромное ночное за окном

Мать умерла от рака – сначала не обращала внимания – но клетки уже переродились одичали – рука была тверда и горяча – чужое мясо

Как мучилась! —

Говорила все о каких-то пустяках – кажется она не понимала – «открой окно» – что все на самом деле – «дай апельсинового сока» – с ней – ни с кем иным – лепетала как младенец

Как мучилась! —

И уходя в свое первоначало – в свое спасение от боли – просила передвинуть телевизор к ногам постели – потом уже не она кричала – другая женщина – родные оперировать хотели – которая желала чтоб кончилось все это поскорей

Сегодня выйдя из метро – троллейбус липы ресторан СОФИЯ – улицу я знаю наизусть – впервые ощутил – (продажа мужских носков – отмеченные солнцем лица – скучающая продавщица) – что это ЕСТЬ – и только ЭТО – реальность из которой хода нет – улица устало клонилась к западу – недоуменье оставило – поток машин вливался в солнце что стояло над шпилем Белорусского вокзала – сияла каждая пылинка – и было счастье! – к вечеру слышнее пахли липы – сознание что вижу и дышу – на самом деле – и что умру Я а никто другой

ОШИБКА

И люди толпились – я думал что это какая-то снедь – строились очередью у стола – мясо с зеленью – но люди толпились – и это был гроб – в алых гладиолусах

ВСТРЕЧА

Где косое солнце – падая в папоротники – синим дымом встает – не увидел скорей угадал – (так вообразишь белый гриб – вон там под елкой – прямую ножку молодецки накрыла шляпка – и вот он здесь каким-то чудом) – сначала дуновение – дыхание и теплый острый запах – затем трава примятая копытом – сухая – почему-то поле – движение игольчатых ресниц – слетела зазвенела муха – и вот он тут каким-то чудом *к о н ь*

Не говоря о том что я давно подметил – стрекозино крыла узор – изнанку сыроежки – ветвистое строение листа – ногу сплетенную из трав и сухожилий кузнечика – и треск его сухой как летний полдень – и свет такой высокий и реальный – что призрачным в нем становилось все

Поле-призрак – серое былье – и конь белый – почти стертый – лишь пыльные космы гривы – и я серый – почти стертый – почти призрак – протянул руку – а воздух ощутим – погладил нервный храп – и дрожь – отпрянула заржав – тревога и симпатия касаний – волны предчувствий и прямых прикосновений из времени идущего на нас

Сколько позади его осталось – неизжитым – свободно протекало сквозь меня – и все же было – подумать только! – все эти листья мысли люди встречи – которых не существовало – во времени – лишь потому что не было во мне – где высветлены дымными лучами – где папоротник длинными слоями – и где однажды в глубине леса —

АКТ

Как это было? – как вчера – когда в какую-то квартиру вполпьяна – ужасно волновался – разделась – тоже раздевался – тяжестью мужской предчувствовал – лежала как овечка – вдруг осечка получится – Не надо! – страх! – так горячо и нежно целовать! – немеют бедра пошло пошло поехало – простая механика обрадовала – да Он с каждым разом все глубже уходил в свое начало – (набухли жилы, рот полураскрыт) – быстрее! острее! – сейчас меня не станет! – конечно Он хотел чтобы не стало – стоило поглядеть со стороны – кощунство! – Он хотел освободиться в падении – и уничтожиться – сейчас – опираюсь – не станет – о крутые бедра – вдруг —

н и ч е г о _ _ _ _ _

выблевал и содрогнулся – фонтаном звезд! – содрогнулся и снова выблевал – заголосила вселенная! – уже обмяк и ускользает – подумал трезво: тьфу какая мерзость – и вернулся в самого себя

Раковина чертит песчаное дно – чайка белым отразилась на волне – бабочками в вышине поворачиваются радары – провода и разговоры:

– Она купила – Игорь это ты? – чулки – я написал поэму – про что? – чулки и грацию – приеду и прочту – Сергей дурак! – алло алло алло электромеханический? – послушай начало – да дежурный слушает – прошу вас не мешать – конкретно говоря она ему дала – кому? – нахал повесьте трубку! – ва-а а вы? – а мы – эге – эгегеге – ваааа – авававава – элоара – лоара экзистенция – халтурб! – люпуск щедрит! – не крамить! не харбить! —

Трубка давно лежит на телефоне – нервы зудят – спутаны как провода – лучи и волны – отовсюду – приемник – со звезды ближайшего завода – скрип снега с улицы – постели за стеной – как любят! – как хотят соединиться! – как все – нейтрино и фотоны – зима и лето – Юлий Цезарь и Людвиг Фейербах – революции и целые системы – все сущее и мыслимое даже – летит – сливается – куски материи пожирают друг друга с жадностью – пустота поглощает пустоту – все идет в один котел со свистом! – вот тогда ты понял что все – одно живое существо

Свет лампы спокойно нам сигнализирует: уют – но драма очевидна – Создатель и Создание – и дочь Моя и книга Моя – но есть же расстояние – недаром первая моя жена боялась смотреть на звезды – «Смотри над белой площадью чужие!» – до ужаса – не мог ее понять

Лишь теперь находя свои черты – я слышу как она лепечет – с недоумением отмечая – в шкафу порядок – бритва в ящике стола – глядя в зеркало которое глядит – подозреваю не больше и не меньше как обман – и недоумевая – Я не Он! – странно глядеть на самого себя на звезды – какой масштаб! – как несоизмеримо! – как все во всем – и все во всем разъято – и все – один божественный плевок

ПОРТРЕТ КАРДИНАЛА

Белый луч очей повелевающих – ледяное понимание – сохранение порядка прежде всего
– высокие помыслы об архитектуре государства – рука крепко опирается о подлокотник кресла
– резная морда льва – силой не оторвать – ухо в седых завитках внимательно к льстивым устам
– красиво очерчены красные губы – вещать и судить и любить

Голубые лучи глаз повинующихся – верность и честность – дружба дружбой служба службой – и какая-то прозрачность – некая неуловимость – скажет глазом не моргнет – а рука сама играет то ли просто так бумажкой то ли смертным приговором – разговаривая с вами он как бы все время слышит музыку каких-то высших сфер

Совершенно без лучей глаза шпионов – стукачей

О Иерархия! – Епархия – Архимандрит! – Архимонархия! – Архиархиархия! – О вы любезнейшие майоры и подполковники с ледяными слюдяными глазами старца Олимпия – игумена где церковь на крови – О вы тени моей тени – стоит только оглянуться – вот она прошла не глядя – в комнате так мало места – но и тут они гостят – и ты молодой литератор в кафе Дома Литераторов – что-то всегда ускользает – «выпьем!» – и какая-то милая подлость – «ты гений старик!» – в этих теплых собачьих глазах

ПЕТУШИНАЯ ГОЛОВА

Брат положил на плаху петуха – примерился – и аккуратно оттяпал голову – пустил его гулять без головы

И вот голова сама по себе – жемчужной пленкой затянуло глаз – борода отливает синим перламутром – восковой клюв полуоткрыт – кротко самоуглубленно – что мозга там в кости! – но и ему открылась тайна – как сладко не существовать

И меж тем как голова размышляет о главном – тело – фонтанируя брызгая кровью – не согласно! – взлетает и падает – шпоры царапают землю – топчет курицу! – вслепую носится по кругу – кричит и протестует сила жизни пока из черного горла не выхлещет вся!

Мне хотелось бежать – бежать куда-нибудь – и я глядел: какие безумные алые брызги! – на дровах на земле на топоре

Я дремал высоко нахохлясь сберегая тепло своего тощего тела (я снов не видел никогда) – но чуя холодок перед рассветом я просыпался глупый злой и сонный – и первый крик из горла выталкивал! – пронзительный и красный!

Сквозь щель солнце – ключ отмыкает веки – чистые голоса разносятся в утреннем воздухе – торжествует великая цельность – (и такая минута была будто там в вышине дрогнули и двинулись все колокола)

Кто умирает? – Я умираю? – тело мое фонтанируя кровью бьется о стенки сарая – а голова не жива не мертва – не грустна не весела – глаза прикрыты плотной пленкой – в тайну сна посвящена

Я вижу себя со стороны глазами десятилетнего мальчишки – я вижу голову и сталь с налипшим белым перышком так ясно и детально – что ясно понимаю: это сон – обманчивая логика событий – бессмысленный – без пробужденья – без надежды на пробуждение – сон реальной самой реальности – «А ну чеши отсюда!» – крикнул брат

СЕРДЦЕ ОТЦА

Когда стал пенсионером – он обернулся и вернулся в детство – дело в том, что стал он старым – голос матери моей бормотанье голубей – шорох крыльев наполнил жизнь отца – ясный ветреный день как само бытие – он брал их в руки – замирали – сквозь перышки и кости под руками прощупывалось бойкое сердечко – и мальчику – отцу казалось: он осторожно сжимает собственное сердце – но отпустил – и выпорхнуло полетело

Вот отец лежащий на диване – двое в белом над телом – черный ящик похож на адскую машинку – заняты привычным делом – сын бледен: никакой надежды – дочери нехорошо – а между тем никто не видит – как сердце бедного отца расхаживает на балконе – и лукаво склонив головку клюет граненую крупу

Анализируйте! – пожалуйста берите! – а вот и не дается не поймать – не верю что отец и мать гниют на станции Востряково – (электричка 20 минут) – как пахнет летом! – подброшенные в небо стаи! – весь город в воздухе нагретом! – он полюбил когда ей было 12 лет – в 15 сыграли свадьбу – и были вместе до самой смерти – она и вскоре он – которой как известно нет – лишь сердце выпорхнет из рук

ВЕТЕР

Первый желтый лист – подает весть – пусть – наизусть я это знаю – ветер будет дуть – все выдует – обиду и досаду – продует комнату и выдует меня

Из форточки – пожалуйста сквозняк! – заносит ногу за порог – тащит за полу плаща – толкает в спину – ну ну потише я и так – почти бегом – я сам туда – из рощи (вижу) выдувает все птичьи трели все тепло (поймать хоть что-нибудь) все листья пух и перья – толкает в спину – налитая сизой синью звенит – и тут опустошенье – летит газета середины лета – весь воздух продувает над рекой – чтоб не осталось памяти о том —

что было там —

кустом любовью лодкой —

Ну ну потише – я тебе не перышко не воспоминанье – вот тут в ложбинке усядусь и не сдвинусь с места – ведь я еще храню тепло земли

Утих – сосредоточиться – согреться – вот белый и сухой цветок – от сердца тепло как бы от рюмки коньяку – сижу обняв свои колени – как обнимал ее колени – а поверху проносит облака – и впереди как в аэротрубе – машины продувает по шоссе

И от земли вступает в кости сырость – я знал что это только передышка – цветы дрожат сухой и нервной дрожью – зачем такая спешка? – Ах это место тоже стало пусто! – несколько помешкав я поднимаюсь – и всей спиной – холодная плита – сопротивляясь твоему напору – стою и вижу что ничего уж не осталось

ПЕРЕЕЗД

1

Мешки и чемоданы уже нажрались тряпками – а барахла становится все больше – лезет из шкафа изо всех углов – мы задыхаемся – наш быт трясет – пригородный вагон – и лихорадит – мы едем стряхивая пепел на паркет – а сколько лет по нем скользили – натирали так что отражалась люстра целиком – уже шурупы не держат ручку двери – лампочки перегорают – наружу выходят подтеки трещины и войлоком свалывшаяся пыль – с улицы приносят комья грязи – «вот тут поставим шкаф» – оглядывают стены по-хозяйски – «тут холодильник» – мы лишние – как лишний весь этот скарб – который нам приходится тащить – с собою серый хвост – на новую квартиру

2

Сколько помню тело перемещалось и переезжало

Но есть последний переезд – когда обмоют и оденут – и сразу станешь всем чужой – друзья скрывая отчужденье – а кое-кто и отвращенье – весь напоказ – бессмысленно топчась на месте – подставят плечи под деревянный чемодан – и расставшись со всеми милыми вещами ты сам поедешь в чемодане – и солнце будет как назло – носы услышат: развезло – лица мокрые от слез отвернутся – не выдержал – раскис – величие – и будешь ехать и томиться – превратилось в неприличие – скорей бы вниз переселиться – но если навсегда и вниз – а если

.....
.....
.....

ЭЛИЗИУМ

В туманных горах стоит санаторий
У него отрешенный вид
В кипарисах и цветущем миндале
Больных и отдыхающих не видно
Будто попрятались куда-то
И такой покой
Что ранняя бабочка
Желтый торчком листок на балюстраде
Как блаженный намек
На уже отлетевшие жизни
Холодный ветер морщинит море
Кому приснился этот сон о солнце?
Не серому ли камню?
Страдающий астмой физик
По-жабы сложенные губы
Не хочет думать ни о чем
Уже напечатан черным и жирным
Некролог в НАУКЕ И ЖИЗНИ
Уже состоялась гражданская панихида
Перечислены все чины и звания
А он игнорируя факт своих похорон
Гуляет в саду санатория
У которого нет названия
Ленинградская певица – экзоптица
Кутает горло черным шелком
Полушепотом: Питер Питер
Ветер треплет юбку
Придерживает чтоб не улетела
Вот-вот рассыплется сама как бабушкин атлас
И в медленном вальсе
Спускаясь кружась по асфальту дорожек
Они позабыли начало своей прогулки
И в невиннейшем флирте —
Ни слова о смерти —
Они прозевали ее конец
У ограды рабочий в сиреневой майке
Намаялся копая какую-то яму
Рабочий и ветка цветущего персика
Смотрят прямо на них
Но не видят не помнят не знают —
Выпил кислую кружку вина
Но как будто не все прояснилось
А цветам это вовсе приснилось —
Санаторий в туманных горах

ГОЛОВА БУДДЫ

О чем он молился в зале музея – во мне поселился тоненький голосок – вот осколок статуи – сквозь время темного металла уцелела голова – полдень мысли – Голова – тишина вышина – муравьиные чьи-то слова – прокатил неслышно на роликах аппарат телевидения – и как видение – танцуя на пальчиках – телевизионные гейши – мальчики – улыбаясь в блаженном безумии – несколько видов экскурсоводов – спеленутая тряпками мумия – и в сером костюме седой – должно быть из ФРГ

Деревянные облики корчат гримасы – летят на клубящемся облаке – меняют свои очертания – по белым залам идет тайфун – расталкивая всех могучим телом идет как слон: «быстрее ребята» – телевизионные мальчики кланяются как болванчики – «начали» – и обращаясь к пустоте: «идя навстречу пожеланиям мы начинаем передачу»

И вот на голых призрачных возникла легкая улыбка тысячелетнего металла —

И выйдя на улицу в солнце – что все немного пожелтели ты замечаешь невзначай – встречаясь говорят все больше ни о чем – «сенсай сенсай» – «все было было» – и кланяются как японцы – «дела – сакура отцвела» – и больше ничего не будет – скорей как полуавтоматы – лишь заведенный ритуал

О чем он молился я понял наконец – гладкий лакированный японец в каждом поселился – не замечаем по своей беспечности – но сквозь уют! азарт! стандарт! – как темный знак НЕ КАНТОВАТЬ – все больше проступает контур вечности

НОВЫЙ АФОН

Толстый храм – слоеное пирожное

Здесь жили некогда монахи – среди маслин и кипарисов сладчайшие вздохи – и охи и ахи – миндаль оливки мандарины – форель в зеленом водопаде – и девки нежные как осетрина по-монастырски в Ленкорани —

Монасей вышибла из рая милиция в двадцать четвертом – и мне сегодня видно в лунном свете – как на дороге удирая – задрав подрысники – мелькают голыми лодыжками – их погоня бьет по нервам джаз

Здесь новый рай на две недели – отели и пансионаты – слетаясь со всего Союза – стаи крашенных блондинок – а за ними за волнами волосатые армяне и носатые грузины развращенные наживой устремляются на пляж – Гурам нашел себе простушку – друг обхватил ее подружку – а девки-дуры как в раю – роняют миртовые ветви из ослабевших рук – и лютни – отдаваясь возле стен монастыря – где маслины серебрятся – неостывших даже к ночи – из расселин белый дым

И – ах! – беспокойны отшельников мощи в пещерах – плоть блеснула в лунном свете – тонкий запах кипариса донесло – как щемяще жить на свете! – зачем же все шахтерам пьяным? – ах возвратите нас возвратите – наши жаркие молитвы – на землю из небытия – мы согласны мы согласны – ваши дщери так прекрасны! – быть шоферами такси – ваше море как вино! – не в часовнях и пещерах – о кощунство! – с интуристами в Эшерах – гениально! – агнцам закланым служить – о хотя б на две недели дайте этот новый рай!

Умолк оркестр у водопада – и стало слышно как шумит – как словно за сердце щемит – отрезвляет и бередит эта сладкая вода – да им – покой – (когда бы знали вы какой!) – вам людям – стадное веселье – (с какой-то дьявольской целью!) – а мне поэту – вечное похмелье – утратив родину свою кипарисами дышать в чужом раю

СЛЕПОЙ И МОРЕ

Веди меня туда – я слышу как оно мигает – откуда ветер доносит свежесть брызг – каждый раз как будто возникает летучий блеск – черный квадрат бензином по лицу мазнув проносится – свернули вправо – теперь оно мерцает в левом ухе – налево – память услужливо подставила ступени – ты говоришь: дома сады – да я и сам прекрасно вижу – пространство стало коридором в котором как будто брезжит свет – мы удаляемся – нет! – остановились – повис мгновенный расчерк птицы – оно зовет оттуда – мы повернули не туда – стена! – оно грохочет отовсюду! – расступается – вот оно! только руку протяни – море

Я знаю мыслью: там простор – на пароходе плыть 12 суток – но более реально взбираться на крутую гору почти что вертикально – и вдруг причалить неизвестно где

И само собою мое отношение к прибою – все в дырах поспешно воздвигаемое зданье – еще идет строительство – все новые колонны и подпорки – но ажурное созданье уже колеблется – вдруг лепнина вдрызг! в брызги! – опадает целиком – и не успело гремя камнями и шурша песком все это дело смыть – как снова – блоки – балки – перекрытия – кариатиды – мозаика – не кончив одного берется за другое – да важно ли в конце концов когда одно теснит другое – когда миллион феерических фантазий спешат прожить свою минуту на этом месте и сейчас

Рука разглядывает – гладкие как четки – каждый камень – окатный звук – веками великан играет в камешки – сколько неоконченных симфоний – а я который грею кости на солнышке – все распадается на камешки и брызги – море поделись своею гениальностью – ведь есть же общий замысел – может быть прекрасный город строит вечный шум – мне говорит об этом – прислушиваясь к Богу – твой величавый Ритм – его услышал Бах – отворяю слух! – вливайся! – шире! – кипучим блеском! – не зренье дай! – наполни! – прозренье – голосами! – дай! – море!

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Маленькое Я во мне пульсирует – так на запястье тикают часы – можно снять твое тело вместе с одеждой – плоская модель вселенной – и повесить на спинку стула – двенадцать знаков зодиака – чтоб отдохнуло маленькое Я – и в это время – время перегнав – куда бы ни показывали стрелки – слетало на свою планету – всегда сия минута и сей час – откройте крышку – там ему эквиваленты речки и травы – блеск хитиновых деталей – какой-нибудь *своей* любви – трепещут крылышки колес и мотыльков – может быть приятная компания – комариный хобот свернутый пружинкой – ведь может надоест в конце концов функционировать – тогда – угаснет стрекотанье солнца – и стану куклой на закате дня

Соцветье одуванчика – послушай маленькое Я – треск сухой головки мака – заключим с тобой союз – лесная горечь земляники – мне предоставь щедрый кусок бытия – изнанкой лист щекочет – а я тебе даю свободу – *Амарантус* – летай повсюду – *Амариллис* – собирай пыльцу всемирной жизни – *Артемизия процера* – соты и высоты — *Цеа Маис* – наполни красотами – *Трифиллиум гибридум* – попробуй в чистом виде быть собой

Конечно ты знаешь – *луч солнца* – это сделка – я хочу обогатиться – *луч солнца* – во времени стать равным тебе – но исчерпавшему весь цикл превращений и времени – и в то же время пить свое вино – *луч солнца* – есть виноград – растягивая это удовольствие – от полной кисти

Хотелось бы – но глуше будни и непробудней сон – тяжелею с годами – болезни нет неизлечимей – одно предчувствие мне брезжит утешеньем – пройдет кто знает сколько лет – и проводив последнего хозяина – без радости и грусти – как бы нечаянно освобожденное – пространство дрогнет – Сверх-Я уйдет единым всплеском в истину – что было малым стало целым – и расцветет *Нимфея Альба*

САД

Персик незрелый с щучьим прикусом – это может быть временем года – листья на солнце как зеленые перцы блестят – или утром без ветра – листья ивы бегут быстро-быстро – или ветреным вечером юга – как салфетки из бумаги что мы в детстве вырезали смотрят листья винограда – или синими лиловыми выюнами за окном – где усики каких-то незнакомых насекомых – находясь на пути моего взгляда – схватили причудливой рамой – или это глубокая старость – картину июльского сада – когда самоценны детали

13 СИМФОНИЯ

Еще не отзвучало начало – публика еще ворочалась дышала и кашляла – еще в дали большого зала какое-то движение возникало – еще соседка запоздало программку изучала краем глаза – я знал уже – с каким печальным наслаждением! – непроизвольно отменяя все – что он нас проведет по всем ступеням – пробегая по нервам знойным холодом – и бросит к своим ногам волной аплодисментов

Там – подъезд сияющий в снегу – на бегу распахнутая дверь – старушки возле гардероба – здесь свист костей и пляски гроба! – визжит взбесившийся клубок – прах отрясают кастаньеты – *Бобок! бобок! бобок!* – и разверзается – и в э т о проваливается ошеломленный зал

Что было? – что произошло? – вылез на сцену востроносый в широких брюках – отрывисто раскланялся – скандируя и нарастая – зал открытым сердцем шел к нему – пожал сухую руку дирижера – кто ты? – ловкий мистификатор? – нет! ты эксплуататор душ человеческих – какую дьявольской уловкой сумел ты отворить наш бранный механизм – где молоточек с барабанной перепонкой – и каждому свой резонатор вставил

И вот вошло как мучаешься ты – как одинокое создание – то и дело оступаясь – летит в пролет и в пустоту – как на лету его подхватывает кто-то – в недоумении – что произошло? – «Но это безусловно гениально» – сказала седая дама спутнице

Но время кончилось – и все – из света в темноту – неспешно возвращаются к себе – троллейбусом такси метро – как будто ч т о полчасика назад наигрывала с м е р т ь на каждом позвоночнике – и в упоенье и в тоске – как поворачивается ржавый гвоздь в доске забыли начисто! – все обернулось консерваторией толпой полужнакомых – так прошмыгнув под колесом вильнувшей в сторону машины – еще визжат голодные колодки тормозов – уже спешат по тротуару – к себе – забыться сном – любовью – чем-нибудь

ВЕСНА В ФИНЛЯНДИИ

В березах Куоккало гуляет мартовское солнце – где кроткий и чересчур прославленный старик – смотрел на поле Финского залива – беспомощно жуя бородкой – будто ожидая от серо-голубой полоски – так близко – почти не различая – которая одна осталась – в тумане слез – разгадки жизни всей – и ветер выдувая влагу сушит съедает льдистый снег

И на дороге в Териоки вдруг припомнишь строки: «...на даче в Куоккало» – «...уехал в Териоки» – журнальная виньетка начала века – чье-то больно шевельнется воспоминанье – и там где в соснах розовый просвет напоминает лето – приснятся чьи-то восемь лет – вот у калитки ваш сосед в чесучовом пиджаке – раскланялся с твоим отцом – врачом или профессором – и женщина белея взволнованным лицом и полосатым платьем – бежит в траве – и тебя оглобшего от сумасшедшей тряски снимают руки нежные с коляски – и близко-близко счастьем осветленные глаза

Послушайте Куоккало и Териоки – нельзя же так! нельзя – навязывать чужое детство – и соседство с великим дачником – я не был тут – недобрый старичком – вернее был гораздо позже – теперь сейчас – и посетил музей – бесцельно проехал в войлочных лаптях по лакированным паркетам —

Но почему же так тоскливо? – как будто т а к сложилась жизнь м о я ! – здесь я играл – там похоронен эмигрантом – а отсюда в марте с горки глядел поверх берез и елей на белизну залива – на финских рыбаков – тюлени на льду – они чернели сиротливо —

ЗНОЙ И ВЕТЕР

Под дикою грушей читаю Платона – и слышу – пятная меня рябой и дрожащей тенью – заглядывают через плечо – и еще – коллективное сознание муравьев – над морем – над миром – мерцает текучей дорожкой на сером

Ветер взял взаймы трепетную плоть листьев сливы – и бежит над нами серебристый – зной повис блаженным звоном цикады – и вполне живет одним впечатлением —

А Сократ беседуя с друзьями растирает ноющую ногу – как земля в трещинах пятка – но уже растерт яд – раб несет чашу цикуты – и мудрец пьет – он считает что вполне логично умереть и стать диалогом Платона

А быть может смерть была легка – «Критон мы должны Асклепию петуха» – что была его выздоровленьем

Складкой земли притворяется Федр – Лисий – собачкой что мимо сейчас пробежала – лисьей породы – ящеркой Эриксимах ускользнул в серебристую щель – облачком Апполодор над безоблачным Крымом стоит

И как не кощунственно это – здравствуй Сократ! – и во мне отзывается: здравству-уй... —

Алкивиад Агафон и Критон и Павсаний! – вы молчаливой толпой – семенем став и травой – принимая любые обличья – пылью и камнем всегда существуя – мне говорите – что я – тоже – всегда – и повсюду – море! я был – небо! я буду – и наконец кто-то однажды прочтет диалоги Платона под дикою грушей – и нечто припомнив – моими ушами услышит — *з н о й* – и моими глазами увидит – *в е т е р б е г у щ и й*

ДОХЛАЯ КОШКА

В первые дни они еще сохраняли благолепие лица во сне – и при жизни присущее им выражение – слезы вопли растерянность – казалось что дрогнут ресницы – ни малейшего движения – лишь улыбка понимания оттянула угол сизых губ

Но после вскрытия на третий в гробу нам выносили труп – покорно сложенные руки – непримиримо сомкнутые губы – вместо милого лица злая маска мертвеца – и там внутри еще хихикает какой-то подлый нерв

Притихшие глядим: кадавр —

И общий ужас оглушая общим горем – спешим засунуть гроб в машину – не думать – думать о своем – сунуть в яму – какой ушел прекрасный человек! – и поскорее закидать землей – о Боже! убери его от нас

На солнце отворена дверь – прядают бабочки в огороде – и меня занавески волнуясь из окна обдувают – засохшие цветы в стеклянной банке – и бездыханный мотылек – как же э т о бывает? – и как э т о будет со мной?

Я тоже умру – но умру понарошку – сквозь сомкнутые веки буду слушать как будут плакать человеки – уберите дохлую кошку – интересно там слякоть или солнце? – ну что же вы? очнитесь позовите – я воскресну

Никто не зовет – грубо тащат – кладут на живот – обтянутые мясом кости обмывают как не мои – на щеку села муха – никто и не подозревает – не догадывается смахнуть – переговариваясь тихо меня готовят в путь

Все сразу примирились – поверили что я уже не я— друзья и близкие толкуют о каком-то человеке – и у меня к нему симпатия – красивый благородный всенародный – одели в старый пиджачок – а слезы катятся и катятся – жена – стереть бы со щеки – неодолимая апатия – и только улыбнуться я могу – но сладким духом тянет в ноздри – послушайте уберите дохлую кошку!..

Постойте куда меня несут? – не пук – не пикнуть – челюсть подвязана платком – ребята что вы в самом деле! – члены одеревятели – положили на помост – рука в резиновой перчатке – блеснуло что-то – лиловый холод проникает в мозг...

Остановись! – оставь мне жизнь хотя бы идиота – хотя бы кошки краткий век – хотя б мыслишку воробья – смешно – друзья семейство родина – копается во внутренностях гадина! – готово: сердце в банке – и ужаснувшись виду моему – беритесь за хвост! – на помойку дохлую кошку! – поспешно прячут грустные останки

О ЛЮБВИ

Мы жили тогда на задворках больницы рядом с моргом —

Каждое утро будила нас медная музыка в зелени – и каждую ночь – в грудь мою твоё толкалось сердце – и вытягивался девственный живот в сумасшедших простынях – все учащенное дышала – и мучили друг друга рты – а под полом – внизу в подвале стояли банки с формалином – отдельно – сердце – желудок – легкие – яичники – два черепа безгубых – я и ты...

КРАСАВИЦА

Красавица лежит на пляже – плечо лопатки – все красиво – и книга – может быть читает – и если стать тенью ее головы на странице – тоже прочтешь:

«Когда Коля кончил, то передал поскорей газету князю и, ни слова не говоря, бросился в угол, плотно уткнулся в него и закрыл руками лицо. Ему было невыразимо стыдно...»

Красавица пошевелила пальцами ноги – и несколько камешков раскатившись – недоумевают белея на солнце – почему она их отвергла? – и если стать этим – перепелиным яйцом – то вероятно услышишь в шуме прибоя слова Одиссея:

«Руки, богиня иль смертная дева, к тебе простираю!
Если одна из богинь ты, владычиц пространного неба,
То с Артемидою только, великою дочерью Зевса,
Можешь сходна быть лица красотою и станом высоким;
Если ж одна ты из смертных...» и так далее

Солнце поглаживает спину – углубляясь в ямки бедер – нажимает всем горячим небом – хочет ощутимо сделать больно – чтобы ночью красавица вспоминая ревнивое солнце говорила любовнику мужу – «не трогай... мне больно... я сегодня у моря сгорела...» – и если стать как-нибудь его ладонью – можно услышать как стучит ее сердце:

Тук-тук, тук-тук, тук-тук, тук-тук и т. д.

ПОСОЛ СОЛНЦА

«Без дураков – сказал Райков – он бог, великий человек, поговорите с ним» – с лепных старинных потолков взирали серые амуры на бутылки из-под водки —

И вот – лопатой сунута ладонь – характерный мыс волос врезан в низкий лоб – из-под бровей из глубины – как объявление войны – потушите все лампы осеннего дня! – неужели на улице солнце? – нестерпимый взгляд в упор – как удар

Зашел в кусты – и там стоит опустив штаны – глядят на солнце не мигая зрачки – була-вочные точки – мясистый хер стоит дубиной – и входит в тело сила – свет – растерянным пятном халат – сестрица заглянула в куст – и только ах из нежных уст – выплеснулась сперма на траву – стоит магнит планет и звезд – белым клеем задувает одуванчики лютики и лопухи – переливаясь через край – в тумане тонет вся поляна – больничный корпус – вся Москва – он весь дрожит как генератор – работает лиловый ротор – легко пустеет голова – как щедро энергию накопленную солнца он людям отдает

А им не дам! – они вызывали милицию – в сортире поставили рацию – они гуляли по бедной голове под воскресенье – я их за это накажу – *полотрясение!* – весь мир энергией снабжаю – *душеспасенье!* – а их энергии лишу – пусть ходят выключенные

Футляры мужские и женские – заглянешь – пусто – а синие черти рады – сыплются с проводов – проникают через ноздри через полость рта – мясо рыбы и скота этим людям вредно есть – потому они и носят шляпу ватник и очки

А ты веселый человек – ты симпатичный человек – что из того что ты еврей – ведь знают все – и там на Солнце – Христос отличный человек

Не попадая руками в рукава пальто – он шел по улице гуляя – посол Солнца – был рад дождю и мертвенному свету – еще вчера он обеспечил всю планету необходимой ей любовью на двое суток по земному счету – был пьян и несколько развинчен – пил тонкий воздух как гурман – и даже мог себе позволить проходя – поглядывать на встречных женщин со снисходительной улыбкой

СОН ЗЕМЛИ

На террасе в полдень не мог уснуть – подбиралось солнце к лицу – на щеке – и приснилось мне – то ли перстень был не на той руке и на сердце давил – что стихам своим дал я новый вес и объем – в эту комнату можно войти – и ведет эта дверь в распахнутый сад – где яблони пахнут дождем

Ничего на свете страшней тебя – и прекрасней тебя земля – только глубже уснуть – почти не дышать – чтобы пчелы запутались в волосах – уши коконами заросли – и две бабочки сели на спящие веки – закрываются – открываются удивленные крылья – глаза

В этот полдень я провалился в ночь – но глаза мне были даны – бархатно-синие с черной каймой – глубоко-шоколадные с желтой каймой – и розовые почти – покрытые серой пылью

И я вижу: свет на траве стоит – вижу как звук плывет – и желтые запахи слышу я – синие голоса – мохнатую шерсть полевых цветов – ноздреватое мясо их – словно сладкие булочки тычинки торчат – пестик лаково гол – рыжие челюсти пилы багры – и зеркальные купола —

О земля! – эти сны мотыльков и червей! – сам себя пожирающий рай – о мертвец – поскорей в этих снах растворишься – и себя этой прорве отдай

РАДОСТЬ

Радость – обыкновение которой – летом в лес прийти – и все застать на месте – чьи-то листья в легкой грусти – желтый праздничный цветок – чего-нибудь рассеянно коснуться – и безболезненно проснись

ЭПИЛОГ. СТИРКА

Гроб распался – и ползу
Стал украдкой на карачки
Здесь внизу стирают прачки
Что там плавает в тазу?
И мурлом своим невытым
Наклоняюсь над корытом
В мыльной пене – человечки

О протухшие душонки
Вы как дряблые мошонки
О похожи вы с изнанки
На кровавые портянки
Под ногтем стреляет вошь
– Врешь паскуда не уйдешь! —
Прачка рявкнула сердито
Тряпку шмякнула в корыто
Поливает кипятком
Трет руками бьет вальком
И в корыте стонут плачут
Нелегка работа прачек
Потому они и злобны
Их черты мужеподобны
Все в косынках как пираты
Отупели от работы
Серый пар клубится в бане
Струпья крови и тоски
Прачки выскребут ногтями
Отдерут они зубами
И вся боль и все плевки
Схлынут черными ручьями —
Ключья мыльные с доски!

После высинят головки
И развешат на веревке
Зацепив кого за уши
А кого и за язык...
Солнце греет... Ветер сушит...

А пока – о тоска —
Только помню: все пропало
Умираю каждый миг
И берет меня рука
Грубо с кафельного пола
Поднимает как щенка

СОНЕТЫ НА РУБАШКАХ (1975–1989)

*«Здесь только оболочка. Слезы вытри», —
сказал отец Дмитрий.*

ТЕЛО

Продуто солнцем – все в огромных дырах
И время водопадом – сквозь меня
Но стыну гипсом видимость храня
В метро в такси на улицах в квартирах

Меня легко представить как коня:
Храп трепет плоть. Но вообще я сыро:
Вспотевший вкус черствеющего сыра
В рогоже скользких мускулов возня

Костюм дворец тюрьма – миллионы клеток
Страна пещер и чудищ – всюду лето —
В подмышках жмет – и много тайных мест...

Живем привыкли... кажется просторно...
Но вчуже видеть просто смехотворно
Как это решето спит! любит! ест!

ДУХ

Звезда ребенок бык сердечко птичье —
Все вздыблено и все летит – люблю —
И налету из хаоса леплю
Огонь цветок – все – новые обличья

Мое существованье фантастично
Разматываясь космос шевелю
И самого себя хочу настичь я
Стремясь из бесконечности к нулю

Есть! пойман!.. Нет! Еще ты дремлешь в стебле
Но как я одинок на самом деле
Ведь это я все я – жасмин и моль и солнца свет

В башке поэта шалого от пьянства
Ни времени не знаю ни пространства
И изнутри трясу его сонет

ОНА

Не по любви а с отвращением
Чужое тело обнимала...
Не рада новым ощущением
На спинке стула задремала

Вина и водки нахлесталась
Подмышки серые от пота
Морщины страшная усталость...
Но предстояла мне работа

Меня вращали в барабане
Пытали в щелочном тумане
Под утюгом мне было тяжело!

И вот обняв чужую шею
Я снова девственно белею
Я пахну свежестью – *рубашка!*

ПОЛИФОНИОН

Шкатулка медь сургуч бутылъ с клеймом
Музейный стул – с помойки уворован
Мы в мастерской у Сашеньки Петрова
Покрыты даже пылью тех времен

Я – звучный ящик *П о л и ф о н и о н ъ*
На желтой крышке ангел гравирован
Вложи железный диск полуметровый —
И звон! и Вифлеем! и фараон!

Ведь были же трактиры и калоши —
Всего себя в тоске переерошу!
Когда ж печать последнюю сниму —

Рожок играет и коза пасется
В арбатском переулке на снегу.
Напротив итальянского посольства

ПРИАП

Я – член но не каких-то академий!
Я – орган! но не тот куда «стучат»
Я – прародитель всех твоих внучат
Я – главный винтик в солнечной системе

Я от природы лыс и бородат
Я – некий бог издревле чтимый всеми
Я – тот дурак... Я – тот библейский гад...
Змий своенравен: нервы место время

Пусть хочешь ты да я-то не хочу
Я – тряпочка. Я – бантик. Бесплезно
Меня дружок показывать врачу

Но чу – почувял! Как солдат в бою
Я поднимаю голову свою
Стою горячий толстый и железный

ЧЕМОДАН

Когда я обожрался барахлом
И стал до неприличия пузатым
Он придавил меня костлявым задом
И брюхо мне перетянул ремнем

Как бодрый шмель гудел аэродром
Волнуясь он стоял со мною рядом
А я – наружу всем своим нутром
Позорно перещупанным измятым!

Закрыли подхватили понесли...
Бродя по колеям чужой земли
Он верит в ярость своего таланта

А я устал я отощал давно
За что мне век закончит суждено
Цыганским чемоданом эмигранта!

РУКОПИСЬ

Раскрыл меня ты на смех – наугад
На двести девятнадцатой странице
Оплыли свечи. Все кругом молчат
И дождь потоком по стеклу струится

Дорогой кони скачут и храпят
В кустах – огни! Предательство! Назад!
Мария спит смежив свои ресницы
И в лунном свете замок серебрится

Начало: «Граф дает сегодня бал»
Конец: «Убит бароном наповал!»
Я – пыльный том седого графомана

Но лишь открой картонный переплет
Предутренней прохладой пахнет
И колокол услышишь из тумана

1. ФРИЗ РАЗРУШЕННЫЙ

.....личаем кудри складки
.....и треснувшие крылья
Вдавились мощной длани отпечатки
...оверх легли тончайшей пылью

 стекло крыло автомобиля
 закружилась в беспорядке
.....ВЗМЫЛИ
 мраморные пятки

беззвучно развалилась
 лась половина
 и на ощупь гладкий

 странно наложилась
...ангельский и львиный
 нет разгадки!

2. ФРИЗ ВОССТАНОВЛЕННЫЙ

На сером различаем кудри складки
Орлиный глаз и треснувшие крылья
Вдавились мощной длани отпечатки
Века поверх легли тончайшей пылью

Куст блеск стекло крыло автомобиля
Реальность закружилась в беспорядке
Сквозь этажи сквозь отраженья взмыли
Блеснув на солнце мраморные пятки

Вселенная беззвучно развалилась
Реальности осталась половина
Все тот же камень – и на ощупь гладкий

Но на другую странно наложилась
Все тот же профиль ангельский и львиный
нет разгадки!

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СОНЕТЫ

1. ЗВЕЗДА

С т а р неба круг сверлит над космодромом
Как сквозь вуаль мерцает *Э с т у а л ь*
Зеркально отраженная изломом
Уходит *С т е л л а* коридором вдаль

Ш т е р н – лаковый журнал – редактор Фауст
З в е з д а над колокольной смотрит вниз
Ю л д у з по всем кочевьям расплескалась
И сытою отрыжкой – *Ы л д ы з!*

Мириады глоток произносят так
Здесь блеск и ужас и восторг и мрак
И падающий в космос одиночка

И звездам соответствует везде
Лучистый взрыв: *ЗэДэ* или *эСТэ*
Где *эС* есть свет, а *Тэ* есть точка

2. ОГОНЬ

Когда славяне вышли на Балканы
Был заклан *а г н е ц* – капли на ладонь
Из бога *Агни* вылетел огонь
Зеленый рай синел за облаками

Я слышу вой враждующих племен
Из глоток: *Фаер! фэйэ! Фламма! пламя!*
Мы были ими, а германцы – нами
Смерд сел на Пферд, а Конунг – на комонь

Ты, я, они – из одного зерна
Я вижу лоб священного слона...
Лингвист укажет множество примеров

Латинский *и г н и с и о г о н ь* – в родстве
И на закате окна по Москве
Как отблеск на мечях легионеров

3. ВОДА

Речь как река. Во всем – свои истоки
Индуское у д а течет в воде
И мной разгадан смысл ее глубокий
В – влажность. О – овал. Движенье – Д.

О удакам ю аква вато вотэ
...И выжимая влагу из волос
Как много дней и солнца пролилось
В небытие пустое как зевота

Я пить хочу. Горит моя гортань
В ней – скорпионы мерзостная дрянь!
Язык мой – враг мой вытянут как жало...

И – разрешилось! Ливнем снизошло
Все мокрое: асфальт кирпич стекло
Ты льешься в горло – мало! мало! мало!

4. ЗЕМЛЯ

Не принял дар. Ударил Дарий *о з е м ь*
Посла. Шла мгла опустошая *з а м*
А в результате зеленеет озимь
В лучах и листьях бродим по лесам

Зачем *з е м л е* мы говорим «*С е з а м*
Откройся»? Но о страшном ли мы просим?
Блестит и пляшет милая глазам
Стоцветная сокровищница – Осень

Или в Крыму – идем беспечно топчем
Подошвой прах полынь пыль – почву в общем
А там внизу – попробуй гору взрежь

Всё вздыблено! гигантский ящер согнут
О Господи! проснется – горы дрогнут
Вдруг выдохнет: О Гея! Гильгамеш!

СОНЕТ-ВЕНОК

*Алеше Паустовскому, трагически погибшему – попросившему
перед смертью в подарок этот сонет*

Венок обвили траурные ленты:

«От любящих врагов» «от профсоюза»

«ЧИТАЕМ ВСЛУХ» – друзья интеллигенты»

«ЗАБУДЬ И СПИ» – Божественная Муза»

«От неизвестной – НАКОНЕЦ-то ТЛЕН ТЫ!»

«ПРИЯТЕЛЮ – от Робинзона Крузо»

«ЕВРЕЮ – от Советского Союза»

«ЗАЧЕМ ТЫ НЕ УЕХАЛ? – диссиденты»

«СКОРБИМ И ПЬЕМ – деятели искусства»

«ПРОЩАЙ ДРУЖИЩЕ – водка и закуска»

«СДОХ БАЧКА! СДОХ! СОВСЕМ ПРОПАЛ – монголы»

«УШЕДШЕМУ С ТОСКОЙ – собака Ларри»

«СВЕЖАТИНКЕ! – кладбищенские твари»

«Соседи по могиле – НОВОСЕЛУ!»

СОНЕТ О ТОМ ЧЕГО НЕТ

Яну Сатуновскому

То мяса нет – то колбасы то сыра
То шапок нет куда я ни зайду
Но я встречал и большую беду
Нет близких. Нет здоровья. Нет квартиры

Нет радости нет совести нет мира
Нет уваженья к своему труду
Нет на деревне теплого сортира
Нет урожая в будущем году

Но есть консервы РЫБНЫЕ ТЕФТЕЛИ
Распывчатость и фантастичность цели
Есть подлость водка скука и балет —

Леса и степи, стройки и ракеты
Есть даже люди в захолустье где-то
И видит Бог! – хоть Бога тоже нет

ПЬЯНЫЙ СОНЕТ

Навеселе под мухой под хмельком
За друга для сугрева для настроения
У магазина вздрогнули – нас трое
А кто-то в одиночку и молчком —

Наклюкался надрызгался надрался
Как зюзя назююкался раскис
Набрался наакался настобался
До чертиков! до положенья риз!

Нарезался. Распался по-российски
Пьян в дребодан! в дым! в сиську и в сосиску!
– Поколбасись еще! похулигань
Спой песню нам про цветики-цветочки

Нафиздипупился. Дошел до точки
Пьянь распьянющая! Распьянь и перепьянь

Посвящается Герловиным

1. НОВОГОДНИЙ СОНЕТ

2. СОНЕТ – КОММЕНТАРИЙ

На первой строчке пусто и бело
Вторая – чей-то след порошей стертый
На третьей – то что было и прошло
И зимний чистый воздух на четвертой

На пятой – вздох: «как поздно рассвело»
Шестая – фортепьянные аккорды
Седьмая – ваше белое письмо
Восьмая – мысль: «здесь нечто от кроссворда»

Ни две терцины: все что вам придет
На ум когда наступит Новый Год
И все о чем вы здесь не прочитали

И основное: то что мой концепт
Из белых звуков сотканный концерт
Поэзия же – просто комментарий

ЗИМОЙ В МАЛЕЕВКЕ

Гнилой кокос плывет в воде чернея
Гнилой канал оплавлен фонарем
Летят из Таиланда и Гвинеи
А друг мой умер в семьдесят втором

Хочу уехать в Ялту по весне я
В апреле мы вещички соберем
Что из того что мы с тобой умрем
Жила бы лишь земля – и радость с нею

Спадает с хвои снег по ветру вея
Дорожек сыр. Скамеек темный хром
Письменник бодр хотя мозгами хром

Душа подонка и лицо плебея
В Нью-Йорке Эдик вылез из сабвея
И жизнь и смерть он чувствует нутром

НЕОКОЧЕННЫЙ СОНЕТ

Четверг. С утра я позвонил в Москву
Сошел с крыльца на снег навстречу солнцу
Увидев близко розовую сойку
Обрадовался я что я живу

Дорогу помню – желтую постройку
Опять сегодня поздно я усну
А в дымчатое нежное высоко
Вливалась синь предвосхитив весну —

И что созвучно всей моей душе
Которую за много лет я снова
Сверкали звезды грозно и лилово —

Почувствовал

РВАНЫЙ СОНЕТ

Да все мы – Я! но лишь на разных этажах
Страдания. Сквозь боль и бред предчувствуем
Себя. Иногда как будто рассветает. Тогда
Истина прозревает себя. Вот-вот

Коснется особенной ясностью. Сейчас —
Какой-нибудь сучок, ветка, намек, счастливое
Воспоминание. Уже соскользнул. Не
Удержаться на этом ослепительном

Острие. Сознание разорвано как
Осеннее дерево. Этот листок —
Улетающее вчера. Этот – зыбкое завтра. А этот

Совсем уже не ты. Снова ощупью
Жадно шаг за шагом, день за днем, ночь
За ночью. Но придет же Весна наконец?
Или Смерть?

СОНЕТ ВО СНЕ

Приснились мне превратности такие:
Я сочинил сонет. Но удивленно
Он вытянулся полкою вагона
И почему-то стал поездкой в Киев

Кружилось поле. Дверь гремела ручкой
Сбиваясь ямб стучал скакал по рельсам
Я полкой был! Колесами! Трясучкой
Томительной! – и вечером апрельским

Я был внутри сонета и снаружи
И я страдал, что это обнаружат
тогда опять Урал – служить солдатом

Но мой сонет брэнчал стаканом чая
Смотрел в окно меня не замечая
И выглядел довольным и усатым

МИЛЕДИ

Есть голоса – футбольная команда
А твой негромкий отличу от всех
Как будто ласку гладишь – теплый мех
Еще я видел небо Таиланда

Там тысячи легчайших колокольцев
Как тысячи сладчайших богомольцев
Лепечут улыбаясь в синеву

Ты храм такой видала на картинке?
Твой смех колеблет медные пластинки
Ты радуешься значит я живу

СОНЕТ С ВАЛИДОЛОМ

Мокрые листья влипли в асфальт
Сентиментально гляжу на природу
На серое небо на серую воду...
В июне меня прихватило – инфаркт

Кажусь себе барином старого рода
Мол пожил и хватит – фойе и антракт
А кто-то гуляет и пьёт! И кого-то
Сам черт не берет!.. Поразительный факт

Как выжила жизнь и поэзия в этом
Сплошном советизме! На вечер к поэтам
Опять участковый с повесткой пришел

Сейчас бы (пожалуйста – клетка и птица)
Израниться в кровь... или просто напиться...
Но в левом кармашке лежит валидол

СОNET ПЕТРАРКИ-1

Если то не любовь, то что же я чувствую?
(Франческо Петрарка)

1

Но что со мною, если не любовь?
А если я влюблен, то что же это?!
Само-му-чи-тель-ство!.. Простите, нездоров.
Заразный. Все. Не прикасайтесь. Вето.

Попался, влип – не рыпайся, не сетуй.
Ведь все живут, хотя умрет любой.
Банальная, как девка из балета,
Любовь, как смерть, расправится с тобой.

И будешь ты носиться без руля,
Безвольно плавниками шевеля,
Во власти волн... как говорит Петрарка...

Где шея начинается изгиб,
Там темный завиток – и я погиб!
Я в зной дрожу! мне на морозе жарко!

СОНЕТ ПЕТРАРКИ-2

Будь благословен день, месяц, год...
(Франческо Петрарка)

2

Я помню год и месяц, день и час,
Твой локон юный, вид бесцветно-кроткий...
Тот человек... Где он теперь, сейчас
Тот иудей со шкиперской бородкой?

Я помню, мы накачивались водкой...
Пришла с подругой... Села не дичась...
И день был странный – длинный и короткий
В пустой квартире – в небе светлых глаз.

Я помню все – и тени на снегу
И даже то, что помнить не могу,
Как целовал тебя в тот вечер марта

Не я! Как упивался поцелуй
До крови! Как окреп и вырос хуй!
И ревность обжигает так же ярко!

ПОДМОСКОВНЫЙ ПЕЙЗАЖ С КУКЛОЙ

Вся в ряске течет полудохлая Клязьма
В осоке видна утонувшая кукла
К осени – дождь... Но и солнышко дразнит
Окраина вся менструально набухла

На том берегу – магазины и праздник
Здесь кто-то крикнул а там кто-то гукнул
Там пьяный бежит. А другой безобразник
Чернеет в траве словно жук или буква

Что все это – кукла плакаты бараки?
Наверно какие-то тайные знаки —
И всюду рассыпанные человечки
И желтый закат за поселком – и даже

Лошадь белеющая у речки
В нечеловеческом этом пейзаже

СОНЕТ-СТАТЬЯ

«Большая роль в насыщении рынка товарами принадлежит торговле. Она необычный посредник между производством и покупателями: руково-

дители торговли отвечают за то, чтобы растущие потребности населения удовлетворялись полностью, для этого надо развивать гото-

вые связи, успешно улучшать проблемы улучшения качества работы, особенно в отношении сферы услуг, проводить курс на укрепле-

ние материально-технической базы, активно внедрять достижения техники, прогрессивные формы и методы организации труда на селе»

НЕЧТО – НИЧТО

(Метафизический сонет)

Качается шар. Навстречу шару
Качается шар. Один в один
Влетают шары: один – пара, один – пара,
один – пара
Из сферы зеркальной за ними следим

Все отраженье. Предмет или дым
Шар или призрак. Подобно кошмару
Шар вырастает... Но вместо удара вместо удара
 вместо удара
Шар исчезает поглочен другим

Несутся – слоятся шары пропадая
В третьем – в десятом – целая стая
В лжебесконечность уходят шары шары шары
 шары шары
шары шары шары шары шары шары и т. д.

Стойте! Довольно! Не вынесу пытки!
Маленький шарик повисший на нитке —
Детский предлог для вселенской игры

ПЕЙЗАЖ С ДОМОМ ТВОРЧЕСТВА БОЛШЕВО

*«Заходящее солнце косыми лучами освещало зеленые верхушки
деревьев»
(Из рассказов начинающих авторов)*

Дом обжитой и барский – довоенный
Бывали в нем и Горький и Гайдар
Я помню фотографию: военный
До блеска выбрит – как бильярдный шар

Старуха знаменитая когда-то
Здесь ходит в джинсах в красном парике
И сценарист таинственный как дата
Весь в замше размышлять идет к реке

А солнце заходящими лучами
Чего-то освещает... И ночами
Из-за гардин в аллее мертвый свет

Как бьется сердце!.. Утром у столовой
Сидят вороны крупные как совы
На ветках увенчавших мой сонет

БУДДА

Такой большой!.. Такой...большая мама
Как Гималаи – вдаль – и нет конца
В тени – яйцо огромного лица
Не Будда это а скорее Брама

Он видит сны – и эти сны – Он сам:
Звездой – в песчинку... с губ раскрытых – прямо...
но сквозь вселенную он слышит голоса
И шарканье по гладким плитам храма

Тянулся хвост... ура дошли до пяток:
Глазеем на божественный порядок:
На каждом пальце – красная спираль

В неслышном свисте в вихре и содоме
Недаром мой отец – сапожник, Бёме
Вдруг понял я что этот мир – печаль

СПЯЩИЙ БУДДА

Снимаем обувь – уж таков порядок
Здесь Вечность спит «у времени в плену»
И храм ведет куда-то в глубину
От головы до колоссальных пяток

От локтя к уху взглядом я ползу...
Из полутьмы полузакрытым глазом
Мир как яйцо Он созерцает разом...
А мы – мы где-то шлепаем внизу

Очнись! опомнись! кто мы? что мы? где мы?
Вокруг застыли желтые монахи
И мрамор холодит подошвы ног...

Клыкастой маской усмехнулся демон
И вновь – надежды ужасы и страхи...
В закат рычит бензиновый Бангкок

ДИАГРАММА ЖИЗНИ

Улыбчивые старцы-мудрецы
Разглядывают диаграмму жизни
—Поэтом будет... при социализме...
– Судьба печальная – заметил Лао-цзы

И вот родился я в своей отчизне...
Была война... Давили подлецы...
На грядке кошка ела огурцы...
Скучища – хоть на лампочке повисни!

Вдруг выигрыш – поездка в Сингапур
И тут где жизнь как сладкий перекур
Я фреску увидел в китайском храме

Там на стене где ивы и дворцы
Улыбчивые старцы-мудрецы
Беседуя склонились к диаграмме

ПУТЕВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

В Северодвинске помню я кафе
Как будто МОЛОДОСТЬ а может быть и
ЮНОСТЬ

Оно похоже было на бездарность
И пахло тухлым пластиком внутри

А из Елабуги привез я сувенир
Гвоздь кованный и синий на котором
Цветаева повесилась*... В Саранске
На улицах я видел дохлых крыс

– Эй, посмотри! – по бронзе я стучу
Мне в Пензе показали каланчу
Пизанскую. Придавит ведь засранцев

Пухов и сер – не Серпухов – Париж!..
Ну чем еще тебя расшевелишь —
Нашествием китайцев? африканцев?

* Вот как это было. После долгих поисков и блужданий по всей Елабуге наш полувоенный «козлик» подкатил к старому бревенчатому дому. Здесь в те давние дни эвакуации жила из милости у доброй хозяйки, думала свои невеселые думы и в отчаянии покончила с собой неистовая Марина. Прежней хозяйки давно уже не было. Здесь жила новая семья, которая как раз затеяла ремонт своего подгнившего жилища. Сены были разобраны, и толстые балки лежали в стороне в саду. Сам не знаю зачем, я вытащил длинный откованный вручную гвоздь из одного бревна (он сидел не крепко) и взял себе. Известно, что Цветаева повесилась в снях. Страшный сувенир.

ПРОГУЛКА В ИВАНТЕЕВКУ

Белеет призраком... блестит летучей солью...
Снег выпал рано. На лесной дороге
Как Чичиков – по рельсам – петушком
А там рукой подать до Ивантеевки

Два десятка каменных коробок
В модных брюках и дубленке
Ходят местные девчонки
На одном заводе как в родном колхозе

Здесь под Москвой – хоть вой – земля родить стала
Железные овощи – станки и ракеты
Лишь название деревни – ни к селу ни к городу

Из Ивантеевки я возвращаюсь лесом
В снегу и солнце – заросли малины
Прогулки вообще полезны для здоровья

МЫСЛИ

Вот отлетела – серая как моль
Вот развернулась – пестрая как веер
Навязчивые – только им позволь —
Всю ночь стучит и движется конвейер

Рассыплются – горох или фасоль —
Не соберешь – еще и сам рассеян...
ОГРОМНЫЕ И БЕЛЫЕ КАК СЕВЕР
Мучительная как зубная боль

Расставлены как шахматы – для дела
Застенчивая – держится в тени
И та которую хоть за уши тяни
Не вытащить – так накрепко засела!

Есть мысли в кресле, мысли на ходу
И э т а мысль к которой я иду.

ВЕЧЕРНИЙ СОНЕТ

Зажегся свет... И в полу – непрозрачном
В стекле возникли лампа стол и я
Угадывалась комната моя
Но фото было призрачным и мрачным

Т а м сквозь меня просвечивали ели
Далеких зданий острые огни
А т у т был пол и все на самом деле
Хоть сам себя за ляжку ущипни

Я ущипнул себя – не удержался
Но крикнул он – из черной немоты!
А в зеркале напротив отражался
Еще один двойник и демон – ты

И с ужасом друг друга наблюдали
Три разных стороны одной медали

ОКНО

Лежу затылком чувствую: о н о
Распахнуто – как будто дышит ветка
Хочу взглянуть. Но возникает некто
—Вам шевелиться не разрешено

На потолке – кукушечье пятно...
Досадно! глупо! Вот что видят все кто...
Еще – на двери – марлевая сетка
Но слава Богу в мире есть окно

Там облачно – не даром тень в палате
Там в белой раме – город на закате
Далеко – пляж... зеленая волна...

Так явственно что можно все потрогать!
С трудом в подушку упирая локоть
Я обернулся: за окном – стена

СОНЕТЫ ИЗ ДИЛИЖАНА

1. ГОРОДОК

Обвалы за Севаном – в сердце гор
Ползут в тумане фары – виражами
Спускаются – тревожится мотор —
На дно где городок и горожане

Приехал Гамлет... Друг его – шофер
Ромео – кутежи за кутежами...
Отелло остролицый как топор
И площадь как подмости в Дилижане

Задумчив принц: на стройку туф опять
Не завезли... И гвозди где достать?..
Офелия – глазастик: дома – драма

Какой армянский зодчий рассчитал
Что приняла тщета и нищета
Шекспировские очертанья храма!

2. СМЕРТЬ КРОТА

Из снега Верный выхватил крота —
И выронил... Затряс как бы обжегся
Там – талая вода и чернота
Он – там! – Схватил – и вновь поостерегся

Как с мышью кошка он играл с кротом
По-зимнему стучал в деревьях дятел...
Обнюхал шкурку плоскую потом —
И сразу интерес к нему утратил

Мы ближе подошли и удивились:
Зачем слепой глупыш наружу вылез?
Но видно землю разморило всласть —
Вся в корешках набухла засочилась...

И он проснулся. Тут-то и случилось!
Горячая как печь собачья пасть

3. МОНАСТЫРЬ ГОШ

Паленым пахнет... Безбородый – Гош
Здесь книги прятал – свод блестит от копоти
Да! Тимур-ленг прошел в огне и топоте —
И до сих пор здесь дух горелых кож

Внизу селенье: свиньи трактор грязь
И дом из туфа – розовый ДОМ БЫТА
Века назад все брошено забыто —
Дымится и живет не торопясь

Но черные небритые мужчины
На площади стоят не без причины —
И вот старик похож на книжный знак

Любой из них (придурковатый самый)
Хранит в себе и смысл и крепость храма
Хоть самый храм их – брошенный очаг

4. ЕРЕК ВАГАНЦ

Синицами исклеванное масло
Там на балконе... Из ущелья – пар
В тумане солнце вспыхнуло... погасло...
Но в марте липнет к москвичам загар

—Автобус в Дилижан идет?.. Неясно
Врунишка – но глаза как Божий дар
Среди деревьев розовых и красных
В снегу торчит могила – чей хачкар?

Доехали в такси. Пиджак потертый —
И сам изжеванный, зато тариф – пятерка
Ерек ваганц! – да – и не прекословь

А горы между тем – страницы книги
Камней шизофренические сдвиги
И землю ткни ножом – проступит кровь

5. ПОЛЯНА В ГОРАХ

Вся в воздухе стеклянная поляна

Лишь тикающий шорох из тумана —
С деревьев тающий и падающий снег

Там – замирающие наши разговоры
И оплывающие кельнские соборы
И осыпающийся псевдочеловек

И если слушать в молоке в лесу ли
И снега шлеп и проблеск как бы хруст
То различишь дыхание косули
И глаз ее армянский полный чувств

А если выше выше – всей поляной —
Всем слухом подниматься в тишину
То станешь белой бабочкой стеклянной
Иль просто каплей слышащей весну

МУЗА

Появилась из-за края скалы на дороге
В чем-то белом подобно тунике. Соски едва
Обозначены, худые колени. В тени лица —
Светлые глаза еще светлей. Миловидность

Юной некрасивости; козья мордашка
Усмешка – быстрый язычок – еле уловимое
Движенье ящерицы. Массив Карадага
Высвечен голубизной. Отрок. Лаванда. Рыба.

И как в н а ч а л е – в музыке и сини
С пучком колючек воронцов полыни
Она прошла ничем не выражая

Божественного отвращения к миру
И было мне дано (ему – Сапгиру)
Понять что муза не моя – чужая

КОКТЕБЕЛЬ

Памяти Коктебеля

Меж Карадагом и Хамелеоном
Как серая жемчужина – залив
Художник на скамье нетороплив —
Рисует скалы точек миллионом

Полынным кругом горы очертив
Сказал Господь: «Здесь будет хорошо вам»
И в солнце на тычке вином дешевым
Упился интеллект и примитив

Где в балахоне греком шел Волошин
Хип «ловит кайф» двусмыслен и взъерошен
Письменники здесь пишут похабель

И в самый цвет махровым их идеям
Живую душу сделали музеем
И Планерским назвали Коктебель

ПИЦУНДА ЗИМОЙ

Похожа на Японию Пицунда
Зимою в дождь – и небо как гримаса
Какого-то свирепого абхазца
Газета мокнет – из Москвы – оттуда

Там липнет снег... огни... представить трудно
Безвольные во власти Фантомаса...
Мыс в пену накреньясь скрипит как судно —
Вдруг лопнул ствол сосны – наружу мясо!

Обречены на грусть и прозябанье
Мы смотрим в небо... Бледными губами
Едва живем... Что час назад промокло —

Все высохло. И ездит по балкону
Наперекор всемирному закону
Стул алюминиевый, что ему – наши стекла!

СТОЛИЦА

Гранитный парапет. Москва-река
С утра такси несутся от вокзалов
Милions пришлых, тьма провинциалов
Кипят как дрожжи в капле молока

Ночная – корпусами облаками —
Незрячий взгляд, разжатая рука —
Раскинулась и дышит словно Каин
В беспомыслии – уж очень велика

И снова «холодок бежит за ворот»
Для интуриста скучен этот город:
Ни супер-шоу ни реклам ни сект...

Но вдруг пустеет Ленинский проспект
От Внукова как будто ветер вытер —
Текут машины... где-то там – правитель

ПИТЕР

Ни лошади на Аничковом, ни да-
же Летний сад осеннею порой
Ни бывшей и стареющей обида
Ни Петр ни змей ни бог и ни герой

Ни в ЕВРОПЕЙСКОЙ лилии модерна
Ни ростры – их русалочки хвосты
Ни то что всем хронически вам скверно —
(В муть в душу разведенные мосты) —

Другое помню. Утром у вокзала
Шла троица. Ночной триумвират:
Большой как блин дворовый опивало

Алкоголичка – косточка рабочья
И рыженький – сомлешь встретив ночью
Им двигался навстречу Л е н и н г р а д

ЛЮБОВЬ

Надежде Янцариевне Рыковой

Пообещала – значит выйдет скоро
Одну бутылку подобрал в подвале
Другие две строители мне дали
Купил треску и пачку БЕЛОМОРА

Стучал в окно – играл как на рояле
«Май дарлинг» вызывал – для разговора
Шипел мяукал... приняли за вора
Ушел в подъезд – опять меня прогнали

Что бормочу лишь ей одной понятно
Вон за стеклом – и нос ее и пятна —
И вертикальный с золотом зрачок

Отец ее и враг из дома вышел
Зачем сказал он то что я услышал? —
«Влюбленный в нашу кошку дурачок»

СПЯЩИЙ

И пил и ел – влюблялся второпях
Вдруг – шум! Побили... Убежал хромя...
Крик чаек... Сплю у моря на камнях
Бульжники как бабу обнимая

Смеюсь глазами: кто ты дорогая? —
Весь в белом летчик – может быть моряк —
И в руки нам – все мандарины рая! —
Все приобрел, все в жизни потеряв

В хоромах спал – на простынях бывало —
Противно холодно – и в душу поддувало...
Общественность? – уж как-нибудь я сам

Ни возраста ни близких ни заботы —
Лишь солнце – сквозь вино... Не знаю кто Ты —
Провеял ласково по редким волосам

БОРИС ГОДУНОВ

Явился самозванец самиздатом
«Тень Грозного меня усынови...»
Мнил – цезарем, любимцем меценатом
Отторгнут – чужеродное в крови

Развращены бездельем блудом блатом
Ворье и грязь – кого ни назови
Сопливясь от усердия и любви
Да! сильного признаем Старшим Братом

И между тем как свиньи жрут почет
Толкается! – под ребрами печет
И чует правду – прожигает просто

(Тень Грозного?) Встряхни ж нас царь Борис
Да крепче поухватистей берись
Чтоб отлетел весь мусор гной короста!

МОСТ

Бородачи пузаны – малышня
Гуляем во дворе нарядных ясель
Лепечем и пузыримся: ня! ня!
Визжит как смерть! – упал и нос расквасил

Влез на горшок величие храня
Все девочек исследует – мамасик
Обиделся: не поняли что – классик
Дым! шоры! обезьянник! злоба дня!

Когда иду я через Крымский мост —
Стальные фермы – балки вперехлест —
Заклепки в два ряда – стальные шляпки —

Весь в солнце – над рекою – в пустоте
Теряя чешую монетки перья тряпки
Завидую высокой простоте

ЦВЕТЫ С ОКРАИНЫ

Вьюном ефросинья вся в желтых цветочках
У ржавой трубы где труха и кирпич —
Мильон срамокашек... пук лапушек сочных
И скромный лиловый иван-ильич

Хлион и валерия – белые точно
Движенье души – все равно не постичь
И чемпиоза – махроза мистич-
ческая – вся в клопах и окантах барочных!

Собрать эту живность и нечисть в канаве
Домой принести и поставить на стол
Принюхайтесь к этой любви и отраве —

Как будто здесь чистили рыбу и жрали
Арбуз пили пиво газету марали —
И кровью и спермой букет изошел!

БЕССТРАШНАЯ

Памяти Нади Эльской

И плоти-то в ней не было почти —
Одна улыбка. Смерти что за пища! —
Пронзительные светлые глазищи
А вот о н а возьми и предпочти

Споткнулась и лежит на полпути
А там весной как соловьи засвищут
Ее покойный Цыферов отыщет
И скажет: «Есть надежда... не грусти...»

Искусство лезло в парки и в квартиры
Бульдозеры корежили картины
И коршуном над паствою – Оскар...

Соратница! пьянчужка! анархистка!
Ты – с нами! мы – с тобой! мы здесь! мы близко!
Вот только б тебя Генка отыскал

ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ

При получении известия с черным крестом из Праги

Мой тесть Гуревич Александр Давыдович
И музыкант из Праги Глеб Ерохин
Солагерники – что вы там навиделись! —
И снова вместе – тени духи вздохи

И собеседник мой пожалуй с виду лишь
Еще вполне – он мертв – и ухо в мохе
А если жив ему не позавидуешь —
Кариатида вымершей эпохи

Но в памяти живет и ходит Прага
В глазах блестит предательская влага
Как бриллиант весь мир омыт в апреле

Вон Федоров идет по тротуару
С ним – Цыферов... И эту знаю пару
Кто умер тот живой на самом деле

ВСТРЕЧА

Памяти Юло Соостера

Был автобус – ехали к Юло
Было бледно ветрено и тонко
Бормотала старая эстонка —
Их глаза что лед или стекло

Было море ласковой теленка
Лес сквозил что аиста крыло
И шоссе куда-то вверх вело
– М е т с а к а л м и с т о о – наша остановка

Свечи на земле – на мокрой хвое
Пламя белое стоит как неживое
Позабыл я, ты в каком ряду?

Все что первым – жизнь насквозь – заметил
Чем сквозь холст – в порыв бумаги бредил
Так и знал что я тебя найду

УРАЛ ЗИМОЙ ПЯТИДЕСЯТОГО

Сугробом кровля – овощехранилище
С зарей приводят женские бригады —
Штаны платки бушлаты и заплаты
Внизу темно и скользко – запах гнили еще

Зато попеть позубоскалить рады
Всему научат в лагере: училище
—А эта блядь откуда еще вылезла? —
Глаза блестят и губы виноваты

—Скучает дура по тебе траншея! —
Из-под тряпицы тоненькая шея —
Картофелина вроде проросла

Вверху белеют смутные окошки...
Возились двое на горе картошки —
Да это ведь любовь у ней была

МНЕ 12 ЛЕТ

Весь встрепанный и потный со двора
Вбежал: отец!.. И сразу тихо стало
Из темных рук бумага выпадала —
И той бумаге не было конца

Он плакал половиною лица
Над Витебском над мятой похоронкой —
И горе вдаль веревочкой – воронкой
Закручивалось – дымная дыра

Устами – всеми звездами крестами
Отец рычал хрипел: «Будь проклят Сталин!»
Обмолвился?.. Ослышался я? да?

Не Гитлера винил он в смерти сына...
Пусть жжет вас пламя Страшного Суда! —
Да керосина больше! керосина!

ВОРОНА

Оказывается не чуждо чувство юмора
и птицам. Вот – бросаю палку пуделю —
Палка перед ним как живая прыгает
по асфальту. Ранний октябрьский

иней выбелил траву кусты. Оттуда
за нами ворона следит с любопытством
Лохмушка радуясь гарцует, перехватывая
белыми зубами толстый прут крошит

Бросаю снова. С элегантностью пантеры
ворона низко проносится над пуделем
опережая подхватывает палку – выронила

в притворном ужасе: «сыр выпал!» – тот кидается
Вдруг сообразив оскорбленно заливается лаем
Она смеется клюв беззвучно разевая

ПОЭЗИЯ ЗЕМЛИ

«Поэзия земли не знает смерти» —
Счастливая земля и небо Китса!
Перелистаешь, так и екнет сердце:
Двадцатый век – последняя страница?

Там чудище в тумане черным чертит
А здесь в березняке – и снег и птицы
И слышно как деревьям лето снится...
Опомнитесь! замрите и не смейте!

...что графоман я понял по затылку
Поставил абрикосовой бутылку
И высыпал на стол орехов грецких

День остывал – дышалось в Коктебеле
И так хотелось «плыть и плыть без цели»
Под ровный гул стихов его – советских

СОНЕТ ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

Здесь воздух весь – полынь – и небо птичье
Потеки лавы, камень как нарост
Кто растолкует мне косноязычье? —
И отчего возник незримый мост?

Над Коктебелем ярче сфера звезд
Явился дух – знакомое обличье
Спала под легкой тканью Беатриче
Воробышком – так осторожно нес

Он огневел – и все во мне дивилось
Насквозь – гора и моря полоса
Приблизился – невероятно вырос...

Зрю: виноградом сердце на ладони
Он дал вкусить свой дивный плод – Мадонне —
И я проснулся в горе и в слезах

НИКИТСКИЙ САД

Славе Лени

Никитский сад – твой камерный театр
Здесь все деревья – духи и актеры
Все гонишься за призраком который —
В зеленый бархат... В дырочку следят...

Ты сам для них – и дух и экспонат
Спускаясь к морю ты уходишь в горы
Где – гул аплодисменты разговоры
Где – Горького и Невский и Монмартр

Здесь все отрепетировано, даже —
Твоя фигура на вечернем пляже
И горы декорацией висят

Что там мелькнуло – чайка ли?.. собака?..
Когда себя сыграем как спектакль
Пусть занавесом нам – Никитский сад

СОНЕТЫ-89

ДЖОЙС

Ты Гамлет, Клинк. А море как трюмо
Бык выбривал с усердьем подбородок
Внизу в подвал с каким-то невозмо
Омфал... Ку-ку!.. зеленый луч короток

План Дублина – и Трои – и настроя
Суп из цитат – сплошное недове
Фантастика такая в голове
Хоть торт лепи из главного героя

Суть всех вещей – я жду – куда-то делась
Не прячь глаза и не... – Эт видит Деус! —
Он растянулся навзничь в острых ска

Собачий лай... Игрушки сэра Лута —
Песок и камни – вечная минута —
И ночь полусознания близка

ПРИШЕСТВИЕ

1

Между Самарией и районом Капотня
Где в песках коптит всегда факел нефти
Трубы крысы стражи и хрущобы
Встретило Его человек десять прокаженных

И когда Он приблизился к Городу
МЫ ИДЕМ СЕМИМИЛЬНЫМИ ШАГАМИ
Если верить милицейскому протоколу
«Анна не отвечала. Кондуктор»

(Бабеля арестовали утром на даче)
На недавнем пленуме Верховного Совета
Было преимущественно без осадков

*От 16-го микрорайона до метро ВАРШАВСКАЯ
Одного по правую, другого по левую сторону
... И посыпались кубики в белое небо*

2

—Галактика! Амон и царь Египта...
Все звезды – да! – кто – светом, кто – звонком
И первой вышла женщина из лифта
Которую слизнуло языком

Темно и стра на складе заводском
Встают и бродят... А туман? а взрыв-то?
Тряс мальчика... глаза открыты... жив? да?
В лесу тянуло страхом и дымком

И столп пороховой в пустыне вырос
Свершилось! – нам сквозит Христос – Озирис
Открой окно – там стекла сотряса...

В палатах продолжаются дебаты
Ждут призраки компьютеры солдаты...
Отсрочка вам еще на полчаса

БИБЛЕЙСКИЕ СОНЕТЫ

1

Не Ты ли дал красивые перья павлину
(Нет речь не идет о годах войны и голода)
Он оставляет яйца свои на песке
Заведующему ювелирным магазином

Не Твоей ли мудростью летает ястреб —
Группа военачальников и пропагандистов
Он смеется над опасностью и не робеет
Обвинений направленных против директора бани

Вот я ничтожен – что могу ответить Тебе?
Он восстал против насилия – он восстал
Афродитовый червь из отряда кольчатых

Был общим родственником но не входил
Приговорен к высшей мере но не признал
И успокоил его Господь в земле его предков

2

Можешь ли ты из пучины выудить левиафана —
Черная полоса проходит через глаз
Диаграммой реальных розничных цен —
Почернеть от забот но справить субботу

Кто может отворить двери лица его? —
Где находится скользкое анальное отверстие
В завершение проекта Госплана – над скатертью
Он горит золотым семисвечником

Крепкие ляжки его – великолепии царства!
Грызущие ротовые части кузнечика
Пистолет – пулемет системы Дегтярева!

Вопреки широко распространенному мнению
За простой вагонов мы платим валютой и кровью
С тех пор как существует еврейский народ

ДИАГНОЗ

Директора наших новых форм и объединений
Единственные между двукрылыми отличаются
Конкретными фактами неоправданных проволочек —
Крылья их прозрачны, жужжала белые

Они питаются кровью – и опираются лапками
На самые широкие слои современного общества
Личинки их напротив насыщаются различными
Перспективами и премьерными в благотворительных целях

Обладая возможностью демократического выбора
Самка кладет 12 штук сравнительно больших яиц
В комиссии подкомиссии – щели пола и пыльные углы

На очередном заседании народные депутаты
Выкрикивали с мест – многие вели себя некорректно
От чесания воспаления и зуд только увеличиваются

ПОРТРЕТ АННЫ КАРЕНИНОЙ

(с усиками)

Она слышала звуки шагов по его кабинету
Высокая трава мягко обвивалась вокруг
Впечатление мрака при потухшей свече
Она боялась оставаться одна теперь

«Вы но не я» – сказала она оборачиваясь
«А хорошо! очень хорошо» – сказал он сам себе
«Уехал! кончено» – сказала себе Анна
И подошла к трюмо чтобы увидеть

Глядя на тень вагона на смешанный с углем
Какое-то неприятное чувство щемило
Солдаты брякнули ружьями, арестанты

Блестящие казавшиеся темными от ресниц
Приближение поезда... Эта радость избавления...
Усики над вздернутой губой

РАЗНОЕ ОБ А. С. ПУШКИНЕ

Заходил Пушкин, он пробегал
«Московский европеец», «Идеал», «Трактат о висте»
Вспомнил что у Гете Мефистофель
Прозрачные намеки на отчужденность

Одного не доставало счастью Пушкина
Она выпучила на меня свои большие
Мы заметили уже что неумеренная
Ничего не смыслящему в конспирации

Пушкина убили, непростительная
Что касается нападок Кюхельбекера
Пациент все слабее. Касторовое

Я пошел на квартиру Пушкина
В синем фраке с золотыми пуговицами
Камышовую желтую палку, у которой

ДЕТЕКТИВ

Полицейский комиссар с аппетитом dokonчив филе
На сиденье лежал фотоаппарат «лейка»
Наконец заключенному передали записку
—Я не убивал ее! не убивал!.. – Вообще-то

Волшебство солнечного дня яркие цветы
Я лежал уставясь в черную пустоту
В одиннадцать часов после короткого разговора
Серое небо казалось ползет по крышам

—Скорее! Там убили человека! Ничего не понимаю
—Помоги мне погрузить тело в багажник
И перерезал горло ему чтобы не кричал

Наконец убийца (своего рода акт милосердия)
Приканчивает их выстрелом в голову
Суровая деловая женщина за пишущей машинкой

БОДАЛСЯ ТЕЛЕНОК

Упорнее всего Твардовский и редакция —
Кричал и разговаривал причем на разные голоса
Свобода! Легкость! Весь мир обойми
Вероломное нападение в мирной обстановке

Спускаясь по мраморной лестнице и думая о другом
Мой архив и сердце мое терзали жандармские когти
Система навесных железных коридоров
Вся Москва перепрыгивала куда-то самиздат

Во дворе на солнце заколачивали ящики
И опять я перепрыгивал в дальнее Укрывище
Во всяком случае Лакшин не задохнулся

Видел же Иосиф сон и поведал братии своя —
Такую одинокую женщину с тараканами и кошкой
Дух истины – его же мир не может прияти

ГОДОВЩИНА ОКТЯБРЯ

Барабан под окнами – сразу всех перебудил

«Вставай вставай кудрявая Москва моя»
Забегал во двор поссать – а там еще стоит в парадном
Жена моя проснулась злая – внизу шел Кировский район

Шарики флажки и плакаты С КЕМ ТЫ ГОРБАЧЕВ?
Неверие и все-таки возможность решить проблему
Кемеровскую область оставили без бензина
А Керенского нет! Вот черт – сбежал

Этих молодых людей – им выкручивали руки —
Зашвыривали в автобус другие молодые люди
А цензура мой сонет – зарубили сволочи

На экране телевизора – залитая алым площадь
Инфузории шевелятся в капле дождевой воды
Прочитал же Шампильон иероглифы Египта

ДЕТСТВО

В некотором царстве в тридевяти сорок пятом...
Здесь бомба упала – во всех домах вылетели стекла
У хирурга смягчились и потеплели глаза
Какая она путанная эта Венеция – искать тут

Тот спал – лицо укрыто марлей – на голове
Схватили во время облавы... Куда везут?
На тот свет?

Английская борзая глядела и шумно дышала
Дали мне колпак и стали толкать: иди мол домой

Выменяли теткину шаль на водку и черняшку
От Совинформбюро: после длительного сопротивления
Мы стояли в снегу перед чернеющей часовой

Мы шли и шарили глазами подростки – я и Оскар
На углу Садово-Самотечной и Котельнической
Конь оборотился ершом и бултых в воду

МОСКВА КОНЦА ВЕКА

Фантастика – Москва и москвичи:
То лысина, то сталинское что-то
Прохожие громьки кривороты
Бровасты леониды ильичи

Спаси меня Господь и научи!
Постреливают... По ночам охота
А то идут танкетки и пехота
Пронизывают улицу лучи...

Днем – смурь толкучка – плоские затылки —
Не люди а какие-то обмылки
Я сам под мышкой свой кочан несу

Мерцающая нитью поезда – в столицу —
Убить ограбить затеряться скрыться
В полях Таганки в Кунцевском лесу

ИЗ АЛЬБОМА

Фото: на холме желтый дом с белой колоннадой
Фотография учеников колледжа – третий слева
Любительское: с девушкой на фоне чего-то
Он и еще кто-то в комнате – угол окна

Фото на документ: выпучил глаза как рыба
Фото: не похож на себя – голый весь в мыле
Тот же вид – другой ракурс – пьян или не по себе
Фото с закрытыми глазами – убит или притворяется

Переплыв: какие-то люди поджидают у садовой ограды
Дорожка в парке – солнце – вот-вот появится
Крупно: лицо – мельканье – ладонь лезет на объектив

Где? Кто снимал? Почему во мне напечатлелось?
Чья жизнь? Чья смерть? Втоптан в глину брелок с ключом
Фотография смуглой девушки с белыми волосами

ГОЛЕМ

Столпились на кладбище плиты – кричат и молятся
Раби Лев достал из кармана четыре свечи – и зажег их
...собираться в гетто группами – в пятого стреляют
—Я – авир! я – огонь! я вдохну в глину жизнь

Войска 2-го 3-го и 4-го Укр. фронтов стремительным
Стальные звенья – о брусчатку Вацлавской площади
Помнишь я купил тебе блестящую зажигалку
—Ты маим – вода! сделай семь кругов слева направо

Около тысячи иностранных корреспондентов
...и тысячи лебедей шумно поднялись над Влтавой
Колонна тяжелых танков на большой скорости

Слава Богу ЦК не сумело справиться с ситуацией
Прага ты держишь во рту кусочек пергамента
...когда солнце высветляет в тумане твои ступени —
Градчаны

МЕЙЛ-АРТ

Плавая пряной приправой в суперискусстве
Юккер ел свой Бекон и запивал игристым Раушенбергом
В это время Рей Джонсон и Шозо Шимамозо с азартом
Разделявали тушу коровы – все в крови и навозе

Петер Костерман из Ганновера – бокс 26. 44
И Ры Никонова из Ейска что само по себе фантастично
Он ей послал свой бокс и двух псов-боксеров
Она ему – свое «ры» пенсне и бородку

Шозо посылаю мимозу твоим шизоидам
Джонсон посылаю тебе Рея – смотрите не подеритесь
Из Австралии – пакет: в нем – Москва и Пекин

Весь мир из себя выворачивается – опоздал – он уже
наизнанку
Из конверта сыплются зеленые человечки – Господи!
Кто-нибудь! пришлите мне отпечаток большого пальца
Бога

ПАРИЖ

Оскар Рубину

Люблю Париж – с утра он пуст и чист
Под тентом стулья расставляя ловко
(Туристы – собирается массовка)
Гарсон свистит – скучающий артист

Квартал Марэ лилово-серебрист
На заднике – дождь брызнул – растушевка —
Античный хлам – блестящая дешевка
«Макдоналдс» вылез как из-за кулис

По вечерам – теней и света драма —
Мысль Эйфеля и думы Нотр-Дама —
В аквариумах – розы и амор...

Но в сущности Париж мочою пахнет
А над Монмартром – призрак в небесах – нет!
Белея куполом сверкает Сакрекер

ЭТО ВСЕ О ПАРИЖЕ

В щеголеватых кафе арабы и негры как дома
Москва просто разваливается на куски асфальта
В Иванове – Вознесенске из окна гостиницы глядя
За трамвайным кругом – овраг и конец света

Мне снилась Европа – в подвале поют эмигранты
Голоса за дверями – репетиция в сельском клубе
Шел я к станции полем – посвистывали птицы – светало
Доисторический пляж и взбесившийся желтый Ламанш

И снова литература: эклектика восьмидесятых
Солнце уже перешагнуло наискосок в комнату
Господи! прости – постоянно обрываются связи – моя вина

Как быстротекущие ручьи которые черны ото льда
Целовались на скамье возле памятника Рублеву
В длинной шинели стараясь на нас не глядеть... Это всё
о Париже

СОНЕТ

Синела даль, синели: луг и лес,
Гладь озера сверкала, словно сталь...
Сирень в цвету, а тополь уж белес.
Жгут хворост. Полдень. Солнце. Гарь.

В саду мальчишка на березу влез,
Ломает ветки. И еще деталь:
Во рву пропойца, над ним лазурь небес —
А он – обшарпанный, небритый, как сизарь.

С ним рядом пёс. Зовут его Пострел.
Сожрал блевотину и тоже захмелел.
И вдруг завыл навзрыд, не по-собачьи...
Таков пейзаж, где я живу на даче.

Муж на работе, комната-тюрьма,
И скука, скука, хоть сходи с ума.

РУНДАЛА (1984) ПОЭМА

у т р о м – воспоминание

Живыми были мы когда-то
и на фронтоне герб и дата
Мы только выглядим музеем
мы тьму таим и страхи сеем
вошли и в камни и в картины —
и самый воздух развратили
и смотрим окнами на свет —
лукаволикий барельеф / менуэт

(в воздухе как бы слышатся звуки поцелуев —
прищуренные глаза и улыбка в ямочку)

д н е м – посетители

Оскорбляя фрески вазы даже мебель пошлым видом
по дворцу гуляют стадом бестолково-деловитым
Отошел – и сразу пусто – из проема смотрит герцог
и со стен – глаза улыбки... чуть не выскочило сердце!

(треск рвущегося полотна)

в с у м е р к а х – табличка
МУЗЕЙ ЗАКРЫТ

Окна синей... Тишина просыпается
Жемчуг в шкатулке пересыпается
Видят их в сумерках после закрытия...
Оконная штора идет на зрителя
И старый губами жует – беспокоится
Красавица! – белая роза у пояса
гордая шейка копною парик —
взглянет надменно: что ей старик! —
и шарфом обвеет его равнодушно
которым когда-то была задушена

(постукивание костяшками о стену)

*в е ч е р о м – когда идешь и пугаешься
собственных шагов*

За окнами чернеет – там розарий
вдруг явственно пахнет могилой в зале
и потолок простертый бурной фреской
блеснет какой-то гадиною мерзкой
Прочь! – пробует рука перекреститься
но с потолка слетает тень как птица —
сбивает крест

(свист)

в п о л н о ч ь – с о н

Уснул укывшись кофтой реставратор
на подмостях... Здесь в общем сыровато
В газетах шебуршанием крысиным
по лицам пробежало – по картинам
и задрожало в зале клавесином —
х о з я е в а

Спит беспокойно дышит реставратор
Пробили ангелочки хрипловато
И слышно как подъехала карета
Со всех сторон съезжаются кареты!
Дом освещен богато: море света!
Крик ржанье щелканье кнута из кабинета —
х о з я е в а

Две девочки – две бледные лолиты
глядят как запрокинулся небритый
... и снова этот следователь – берет за книгой книгу
брезгливо перелистывает... Отца увозят в Ригу
Каркнул ворон Берия! Крикнул барин Бирон!
Сгинь ты серый вурдалак! Уходите с миром
х о з я е в а

(хриплое дыхание нездорового человека
переходящее в мучительный храп)

п о д у т р о – р а с с к а з о ч е в и д ц а

*Приехали затемно. Свадьба из Риги
Девчонки дрожат от ночной холодрыги
У ворот моторы: притушены фары
смех разговоры – протопали в залы
Ночь гуляли тили и еще осталось...
Лысый композитор почти Раймонд Паулс
сел откинув фалды – и желтый клавесин
дребезжащим звуком к танцам пригласил*

*Рундала Рундала – дом как рундук
выдуло кружево мятый сюртук...
Из стены означилось платье с тренем длинным —
то ли тленом то ли нафталином...
В погребке лезет рука из колодца...
Кувшин развалился и выдал уродца...
Из пепла в камине – фигура без слов —
встает итальянец и к танцу готов*

*Рундала Рундала – смотрит жених:
странные гости да сколько же их!
С высохшей мумией пляшет приятель
А этот в камзоле – похоже он спятил —
почти не касаясь... почти как на льду...
но раздевает у всех на виду!
Фарфоровой куклою стала невеста —
вдруг оба исчезли... куда – неизвестно*

*Жених докажи что и ты не монах
не огородная крынка в штанах
Глазами смеется зовет незнакомка
Схватил – кисея – в кулаке ее скомкал
к ней наклоняется – там между ног
в темной пещерке блестит огонек...
Фу! – и погас... Тьфу! – и развеял...
Балдеет жених постепенно трезвея*

*Тяжелеют веки – светлыми глазами
установился наш Янис на свечу – на пламя
Венецейский столик а на нем – **СТОЛИЧНАЯ**
Вот и получилась компания отличная...
Но к рассвету пламя стало шевелить
и старьёй реставратор спешит себе налить...
Течет из горлышка в стакан – и падает из рук...
Рундала Рундала... Дом как рундук...
Тук-тук-тук тук-тук-тук тук-тук-тук тук*

(постукивание костяшками пальцев
по дереву стола)

н а р а с с в е т е – трезвеющее сознание

*Ничего луна не освещает
белая – так только для близира
Свет в себе и тени совмещает
итальянский циркуль маска лира*

*Проступает на заре громада
здания свободно и капризно*

а за ней видна громада сада —
и луна в углу стоит как призрак

Вот идет и сам о двух персонах
в воздухе так четко нарисован
Молодой Растрелли стоять начал
Пожилой весь план переиначил

Жизнь прошла – и в этом промежутке
пугалом глядит необитаем...
Только мы как не своим рассудке
с криком над руинами летаем

(карканье духов)

СТИХИ ДЛЯ ПЕРСТНЯ (1979–1980)

*Поскольку все, что в мире существует,
Уйдет, исчезнет, а куда – Бог весть,
Всё сущее, считай, не существует,
А всё несуществующее есть.*

Омар Хайям

ГОЛОС

1

В труху истерлось, в пыль смололось...
И лишь один в пустом дому
Живет чужой и страшный Голос.
Прислушиваюсь я к нему.

2

Сам по себе я был еще с утра:
Мне завтракалось, думалось, читалось.
Я весь разъят! Я – пепел! Я – дыра
Орущая!.. Просвечивает хаос...

3

Язык, печенка, селезенка —
Я вынут весь, один костяк.
Сквозь эту ветошь ярче солнца
О, Господи! сверкаешь как!

КУВШИН

1

Кусок ноздреватого серого хлеба
И глиняный – черный от света – кувшин
И небо, оно помещается слева,
А мы – перед э т и м. И мы не спешим.

2

Земля и море – облака —
В огромном глиняном сосуде...
Бегут машины, ходят люди.
И зреет персик – мысль о Божьем Чуде.

3

Твое вино давно смешалось с морем.
Но вот со дна берут тебя, несут...
Я, как и ты, кувшин, пустой сосуд.
Мы оба пятен времени не смоем.

ХРАМ

1

Загажен пол. Верстак, малярный хлам,
Яйцо, бутылка... Свет ложится скупю.
А там вверху – и день и шорох там —
Там весь из крыльев дышит купол.

2

Я был разграблен. Был товарным складом.
Я был сортиром, холодом и смрадом.
Но даже взорван будучи, тем самым
Не перестану быть Звездой и Храмом.

3

Кто строить самого себя привык
Тот знает План и Дисциплину.
А Время так упорно месит глину.
Что даже глину превращает в Лик.

РИСУНКИ

Илье Кабакову

1

Не мотыльком, не завитком —
Изображу Тебя квадратом,
Салфеткою, воротничком,
Где чист до хруста каждый атом.

2

– Что это?
– Синусоида.
– А кто это?
– Скорей всего, животное какое-то.

3

Точка. Тут, где поставил, стой.
Нет, она вырастает, катится...
Ах, всего засрала каракатица
Не чернилами – грязью густой!

4

А жизнь – такая скользкая тварюга:
Все б выплеснуться, выпрыгнуть, уйти...
Но кроме смерти, видно, нет пути
Сознанию из замкнутого круга.

5

Есть в пуговке малой отверстие вкось,
Куда я однажды нырну на авось.
Блескучий и звонкий – не добрый, не злой,

Душа моя – рыбка, я стану иглой.

6

Когда кругом все морщится и мнется
От скрытых мук, мне чудится и мнится:
Земля и небо – бледная страница.
И Твой рисунок скоро разорвется.

7*

* *Комментарий:*Здесь тьма людей, растений и существ,Здесь дни воспоминаний и торжеств,Здесь мысли, схваченные на лету,И все, что образует Пустоту.

ЗАРОДЫШ

1

Я слеп и глух – невозмутим.
Я бог и дух – и я один.
Я – без начала и конца...
Мой светлый мир – внутри яйца.

2

Я сложен весь конвертом,
Я принял позу йога.
Еще я – в лоне Бога,
Но скоро стану смертным.

3

Я чувствую, что знаю все заранее.
Но страшно – распадется этот мир!
И новый мир войдет в миллионы дыр!..
Рождение как умирание.

4

Кто я? крокодильчик? черепашка?
Может быть, какая-нибудь пташка? —
Я еще не знаю. Но спасибо,
Понял я, что я уже не рыба.

5

Я сыт. Мне влажно и тепло.
Но ощущение прошло —
Я голоден, мне холодно и худо...
– Эй, кто-нибудь! Как выйти мне отсюда?

ЭКСПОНАТ

1

После блуда, после пьянки
Я сижу в стеклянной банке.
Листья, солнце – все глядят!
Я – печальный экспонат.

2

Не знаю я, куда мне кинуться.
В себя ли что ли опрокинуться?
Нет, даже дохлую собаку
Не брошу я в такую бяку.

3

Жизнь, свободу – все отрину! —
И уйду к вещам в витрину.
Рядом с мыльницей пустою.
Знать хочу, чего я стою!

СТИХИ, КОТОРЫЕ НАПИСАЛ БЫ МОЙ УЧИТЕЛЬ ЕВГЕНИЙ ЛЕОНИДОВИЧ КРОПИВНИЦКИЙ, ЕСЛИ БЫ БЫЛ ЕЩЕ ЖИВ

1

Я весь во власти ощущений скверных:
То мебель падает, то стены налезают.
Я вижу вас отлично, Генрих.
Я вас не вижу – вижу сквозь – и за – и...

2

Я все же прожил восемьдесят шесть.
Измученный себе сказал я: будет.
И если т а м еще чего-то есть,
О, Господи! – пусть ничего не будет.

3

Я еще смогу водки выпить.
И знаете, о чем я думаю:
Я вам напоминаю мумию,
А мне – что вы, что весь Египет!

4

Мне кажется, реальность как бумага,
Что стоит только руку протянуть —
И можно небо синее проткнуть.
Но ведь на то нужна еще отвага.

5

А если т а м еще одна ловушка —
И в вечности ловушек без числа:

И плоть, и дух, и спор добра и зла...
Но я же не под скальпелем лягушка!

6

Я жил – довольно, мыслил – много.
«Дай отдохнуть», – прошу теперь у Бога:
«Останови дыхание мое».
Скорей, скорей в твое небытие.

ВЕРШИНА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ (1979–1980) ПОЭМА

1

Ее предчувствует как будто
Весь мир в ближайшей отдаленности —
Вершина неопределенности! —
Уже прошедшая минута

2

Это был не то человек не то аспирин
На стене – не то тень не то паук
К тебе подошел не то троллейбус не то друг
Который не то испарился не то воспарил

3

И потом вспоминая ты искал это где
Сто кривых отображений пробегают в воде
Зигзагом люди кошки – и штопором дома
Уютный мультикосмос... но съехавший с ума

4

На завтрак мейсенский фарфор
Весь в завитушках в виде торта
А торт как в детстве до сих пор
Гостям показывают гордо

5

У красоток балкон на седьмом этаже

И оттуда начинаются ноги уже
Ты же – крохотный царь Соломон
Заблудился между царственных этих колонн

6

Расположусь – ка в этом кресле
Но в кресле сидели недобрые мысли
Прилягу пожалуй на этом диване
Но на диване происходило бесконечное
раздевание раздевание

7

Ты снял пиджак рубашку брюки трусики
Ты снял очки и волосы и усики
Из тела вылез – дальше не спеши
Не выползи из собственной души

8

Себя ты встречаешь не раз и не два и не три
Немного старше немного моложе
Ты не узнал их они тебя —тоже
Ты им не понравился черт побери!

9

Еще не раскрылась уже осыпается
Еще не уснула уже просыпается
Дом развалил а еще и не выстроил
Убит! – а противник еще и не выстрелил

10

Ищут тебя ищут – скользкую иглу
Так и похоронят – только поворчат они
Ты – выпавший из времени – пройдешься

по столу!
Все лица неживые и плохо пропечатаны

11

Воздух пузырьками как боржом
Твоя женщина стала муляжом – миражом
А за этой куклой строим – двойники —муляжи
Все забиты склады – и еще положи

12

Не то что не видим тебя – отрицаем
Стеклянный наш мир для тебя проникаем
Вот и вылез на лугу из земли по пояс
Сквозь тебя корова прошла не беспокоясь

13

Над взлетной дорожкой висит самолет
Человек оглянувшийся – немигающий взгляд
Это сейчас – не сейчас это
может быть сутки назад
Или целую вечность вперед

14

Гроб стал грибом а был когда-то грабом
И роба пахнет рыбой с полным правом
Когда личины в сущности похожи
То сущности похожи тоже

15

Тянется органика —паршивка
Все-таки в механике ошибка —
Жизнь путем – в – и за счет смерти...
Слава Богу хоть вырастили сердце

16

Если видишь мир как опечатку
То намажь горчицы на газон
Из моря достань яйцо всмятку
А газету засунь за горизонт

17

Так и блуждаешь в этом миро-помещении
Две ступеньки – с первого этажа на сотый
В одном окне – незримые красоты
В другом – вообще какое-то смещение

18

Ты вышел вон не замутив воды
Лохматенький пьяненький обыкновенный
Но оказался так близко от сумасшедшей звезды
Что тень твоя выросла в половину вселенной

19

По ступеням скатываясь вниз внизвниз
Бесконечно уменьшаясь в поле зрения
По ступеням вверх вверхвверх ты бежишь
Бесконечно увеличиваясь благодарение —

20

Благодарение Кому-то
Чье имя неопределеннозначность
Где Многослойнодымность и Прозрачность
И не короче вечности минута

21

Не знаю как но влез в нейтрино
И снова небо – бочка звезд
Что видишь ты – неоспоримо:
Вселенная кусающая себя за хвост

ПУТЫ
(1979–1980)
ПОЭМА

1

Куда я тяжесть эту пружу?
Не мученик, но почему-то стал им.
Всю жизнь – под камнем... Но когда умру,
мне камень станет пьедесталом.

2

Я Прометею может быть подобен,
но я люблю свои мучения
К тому же у меня есть развлечение:
вообразить, что я свободен.

3

Нет ни имени, ни отчества,
ни лица у одиночества.
Так бывает худо – всё умри! —
даже собеседник – там внутри.

4

Быть может пулю или нож
не встретишь впереди,
но постоянно ты живешь
с мишенью на груди.

5

Качаясь, оступаясь, ступаю по канату.

Мне очень страшно. Но таков мой путь.
Я по телам пройду, по близким, если надо.
Мне лишь бы вниз не соскользнуть.

6

Все в сердце оставляет след кровавый.
Нас вечные сомненья раздирают,
Нас пожирает жажда славы.
Артист живет. Лишь радость умирает.

7

Прелестная наездница, кружись!
В прожекторе блесни, как меч из ножен!
Но если ты – мечта, любовь и жизнь,
То почему же твой скакун стреножен?

8

Держат тебя парашютные стропы.
Только в грядущее прыгать не пробуй,
Нет над тобой почему-то
Ни крыльев, ни парашюта.

9

—Глядите, братья, дети, внуки,
как я несу свой тяжкий крест!
—Ты в пустоте раскинул руки.
—Довольно странен этот жест.

10

Как сложно все кругом, взгляните,
Все эти рычаги и нити!
Всё есть: комфорт, прогресс и моды —
И нет, единственно, свободы.

11

—Да, на себя мы взяли обязательства...
—Нас в сеть свою поймали обстоятельства,
в них путаются лучшие умы...
—Мы – не рабы, скорее рыбы – мы.

12

—Будь ты проклят, индивидуум!
—Наш сократ, гляди, что выдумал! —
Будто все мы связаны, как шизики!
Сам запутался наш гегель в метафизике!

13

Есть на свете сети, мышеловки,
Кандалы, наручники, веревки.
Но куда теснее и большее
Два колечка – цепи Гименея.

14

История, ты – анаконда,
Сжимаешь мертвых и живых.
Но и сама ты несвободна,
Свиваясь в кольцах роковых.

15

Компания, случайное соседство —
и друг от друга никуда не деться.
Вот и живем таким компотом:
впритирку – умник с идиотом.

16

Нас кто-то заставил участвовать в беге.
Бежим, спотыкаемся, нам не везет.
Мы оба привязаны к нашей телеге:
и тот, кто правит, и тот, кто везет.

17

В одной упряжке мы – одна семья.
Убить его? Но он – ведь это я!
Язвлю врага и сам страдаю,
ведь сам в себя я попадаю.

18

Несут футляр: – Пожалуйста, примерьте!
И так с рожденья и до после-смерти
Мы носим формы, саркофаги, склепы.
Вот почему и глухи мы и слепы.

19

Каждый несет свою тяжесть,
К путам-заботам привык.
Даже развлечься отважась,
Мы не снимаем вериг.

20

На птиц – аркан, на лис капкан готовится.
На рыб и раков ставят верши.
А человек – он более доверчив
И на любое слово ловится.

21

Младенцев няни туго пеленают,
и сумасшедших – тоже пеленают.
И сумасшедшие кричат, не понимают,
зачем же няни бьют их и пинают?

22

Мы все нормальны, мой сосед хотя бы.
Он верует (пусть мучат как хотят),
что прилетят однажды дирижабы,
от козлодеев всех освободят.

23

Привычный день: одно к другому лепится.
А свежим глазом – полная нелепица!
И вся реальность держится с трудом,
чтобы не вывихнуться в сумасшедший дом!

24

Нам не освободиться, не проснуться
и милых губ рукою не коснуться.
Повсюду – путы... В паутине серой —
и лилипуты – мы, и гулливеры.

25

—Хочу тебя, моя виолончель!
—Люблю тебя, мой пламенный кларнет!
Так много лет взывают... Но досель —
ни близости, ни солнца, ни побед.

26

Нас качает, словно в гамаке.
Пусть нас крепче свяжет воедино
Слово, перстень, лампа Аладдина...
Я один. А где-то вдалеке...
(читать сначала)

27

Я и милая моя летать умеем.
И когда нас в небо запускают,
Мы летим двойным воздушным змеем.
Мы бы – к солнцу, нитки не пускают.

28

Как хорошо летать, невысоко хоть.
Ты – в небе, я – в тебе и над тобой!
Но все равно нас связывает похоть —
И ненависть скорее, чем любовь.

29

Раздвинулось, разъехалось пространство...
Я стаи грустных писем шлю и шлю...
Ни слова от тебя, ни даже «лю»...
Растаяло в пространствах постоянство

30

Тебе пошлю я связанного голубя.
Пусть падает в пыли у самых ног
И будет биться встрепанный комок —
И пусть умрет от жажды и от голода.

31

Оба они умерли давно.
И сердца их пылкие остыли.
Но один другого все равно
Ждет и любит в собственной пустыне.

32

—А я тебя перетяну!
—Нет, я – тебя! Поддайся!
Ну... Состязанье бесполезное,
Держат их объятия тесные.

33

Без них не сделать нам и шага.
И Богу мы за них ответим.
Все ж для мужчины – жизнь и благо —
привязанность к жене и детям.

34

Сопряжена жена с супругом:
Он – домосед, она верна.
Лишь не общаются друг с другом —
у каждого своя тюрьма.

35

Каждый слышит собственное эхо.
Каждый словно в зеркало глядится.
Это отражение – помеха
Разглядеть вблизи другие лица.

36

Друг друга слыша и не слушая,
Ложимся рядышком в кровать.
Почти что незачем скрывать
Воинственного равнодушия

37

—Мне с тобой невыносимо просто,
Не тебя хочу – кого-нибудь:
Негодяя, бабника, прохвоста!..
Ну а ты, для простоты, не будь.

38

—Куда, чертовка? – Куда попало!
—Тебе вожжа под хвост попала!
—Я разорву ее, визжа,
Что крепче мне нужна вожжа!

39

Держу ее, но тает, улетает...
—Чего тебе, мой ангел, не хватает?
—Не ангел я, а женщина и баба —
Привязана к тебе я слишком слабо.

40

Меня ты давишь с равнодушьем танка.
Я – пленница! раба твоя! служанка!
Дави меня! хлещи меня! топчи! —
Лишь целовать позволь твои бичи.

41

Им, испуганно верящим, не верь ты.
Все женщины – язычницы отчасти.
Им чудятся мужчины в виде жертвы,
Тогда сильней язвит их сладострастье.

42

Ты думаешь, что мы тебе принадлежим.
Ты возлежал – и мы уже лежим.
Твой ум, страстям принадлежащий, —
Ты нам принадлежишь, нечистый
и дрожащий.

43

Пусть я всегда в плену противоречий,
Но о тебе не может быть и речи.
Пусть – узы, и неволя, и темница,
Мне лишь бы от тебя освободиться!

44

К цели мы стремимся с детства.
К цели рвемся из тенет.
Цель оправдывает средства.
Цель все ближе – цели нет.

45

Ни жить, ни мыслить по-другому...
Привязан ты к семье и дому,
К земле, соседям, старой табуретке...
Да, ты сидишь в отличной клетке.

46

Живой всегда идет путем живым,
А мертвецы его в могилу тащат.
Нет, если ты живой и настоящий,
сопротивляйся, не давайся им.

47

Освободиться от ненужной вещи,
От нелюбимого – во что бы то ни стало,
От обстоятельств, нас берущих в клещи,
Всё правильно – но это лишь начало.

48

Есть много уз. Но если связи с Высшим
Нет, если свыше нам не внушено
Всё, что мы есть, что думаем и пишем,
Всё изначала света лишено.

49

Не верю разуму и нервам,
Лишь интуиции своей.
Мне говорит она: поверь,
Шестое чувство станет первым.

50

От уз освободиться —
Как заново родиться.
Только тот рождается,
Кто освобождается.

51

Человек мне чудится в грядущем
Не летящим, не бегущим, не идущим.
Он сидит – и поза неизменная,
А вокруг работает Вселенная

1979, 1980 гг.

ВСТРЕЧА (СТИХИ-87)

– Николаю... Аю... Аю...
(приснилось)

ИКОНА

Глаза поставленные близко —
ты смотришь Николай епископ
со старой треснувшей доски
О! исцели мя от тоски

Еще со Щепкиным знакома
и чудом спасена икона —
сквозь грудь по золоту – ожог! —
себя ты оберечь не смог

Храни в пути и на чужбине
Приеду – оботру от пыли...
Не лик московского письма
а там – душа моя сама

Там – свет вселенской благостыни
глаза которые простыли —
окно взирающее ... Верь
что отворяет эту дверь

«Аю... Аю... Николаю...
небо хлеба лепо або
стали стыни и пустыни —
Николаю... Аю... Аю...»

22. 10. 87

СЕКТА

Вот оно – белодеяние
толчеруковоздеяние
чукчегласоговорение
Войдем в них —
посмеемся над ними

–Дортен штеен геен меен!
–Факью фак хора пиндуси!
–Чукареку мерикан!
Свят дух сошел
Поддай поддай им пару!

Песьебляска беснопение
огнеглубь черноверченее
–Я всевиж! – Я вездесуд!
Летим прочь – наскучило...
кегли – угли падают падают...

«Я-то думал это где-то там...»

Я-то думал это где-то там
а это за рукав сейчас потянет

1

На всем пространстве времени
играют пролетающие духи
но сколько их во времени пространства
пронизывающих наше время
вот – ветерок подул волна плеснула
и распахнулась форточка – сквозняк
а между тем пока ты встал со стула
пронесся рой волос и рук и ног
сквозь комнаты – брыкаясь – и с балкона
уже взлетел в ликующее небо

Я помню девушку: глаза – во все лицо
лукавые – болгарка или демон? —
ты перед ней – ручей или река —
и сразу знает твой исток и устье
Так духи видят нас наверняка

2

Не зрачком не чуткою сетчаткой —
органом возрадившим глаз и арфу
Так Свет видит Свет —
замечает все оттенки света
проявляет все что потаенно
все собой прошупывает складки
угадал себя во тьме – с изнанки —
будущим из прошлого сквозит

И тогда себя мы видим тоже
близко – вкось – со стороны скулы
Так Тварь видит Тварь

«Боюсь контакта – помню: не коснусь...»

Боюсь контакта – помню: не коснусь
во сне толкает исподволь – проснусь
где б ни был он – из космоса из мглы
летит на мысль – на острие иглы —
бокал с бокалом разлетелись: прозит!
мурашками с затылка заморозит
беззвучный ток вне разума: «ты есть
но ты ничто – и потому я здесь»

СОЧИНИЦА

сходит по ступеням старая шкафиня
– сочиницы бухты яхты... Соловьевы Виндермахты...

мимо роз шлепает красная комодиха
– дыр был щи, шаш лук вери бог. Фигарух!

к морю спускаются два загорелых муда
– нутынесмо коненуя нутынепра

вниз по проулку шпуляет рогулька
бемс бамс! шпумс шпамс! свау свиу брдамс!

тащится пузатик влекомый мамой
– фука пука лямпампука ама амам

розовый собак на коротких ножках
лает в пустоту: —ав-ав-вау!

это его дразнит местный дух Оох
– сочиница сочиница! Фука пука дыр был щи!

ТОРОН

1

Она возникла на пустом
песке пронизанная светом
хотела женщина-фантом
чтобы Торон забыл об этом

Потом волна ее размыла —
песок и что-то вроде мыла

2

В Торона влюбилась кальмариха двадцатиногая
Торон размышляет себя ею трогая
если поглядеть по-философски
щупальцы
нежней чем пальцы
а губы – те же присоски

3

Дошел до совершенства бешенства!
Жена всю ночь стреляет уток
а если ночь продолжается 150 суток
есть от чего потерять рассудок
Он вскакивает каждую минутку
жена: – пиф-паф! – кричит в темноту
наконец Торон превратился в утку
и она подстрелила его на лету

4

Розовая Лямб сказала Торону
– Какая прелесть – большие уши!
Какие мамочки – нежные мочки!
Не бойтесь я вам уши не трону
глядя на них я думаю о муже

– И как же вы спите?
– Ухо к уху
а между них запускаем муху

5

Большой пирожного кусок
и этот лакомый кусок
для нас – Торон
и ум и что угодий в нем
А для нее
чья челюсть – бороны зубье —
лишь надкусить наискосок
чтобы потек
по подбородку темный сок

6

Они отражались во всех зеркалах —
где тысячи ламп на струистых телах —
и стыдно сказать чем они занимались...
они обонялись

7

Приняли таблетки и легли в постель
умерли – и началась канитель

Вышли из больницы – есть в квартире газ
их реанимировали и на этот раз

На море лодку качала волна
спасли водолазы – достали со дна

Русые головки – красавицы обе
И думал Торон
«Это страсть или хобби?»

8

Сказали духи что Торон
приятен им со всех сторон
он словно бабочка порхает
но эта бабочка чихает
на всякий чих
родится дух

9

Умер Торон – превратился в Торонто
Торонто – в трубу
труба – в музыканта
(хотел музыкант переделаться в Канта
но тут же его попросили обратно)
стал баром барон от несчастной любви
стал тарой Торон – и поет «се ла ви»

Реальность сквозит папиросной бумагой
Любую фантазию выужу из
пучины где плаваю вольной навагой
а сам на крючке у кого-то повис

МУУХ

В меоле плавал юный дух Муух
светящимся мяучиком играя
вдруг увидал как выдумал картину:
пространство ограниченное с трех
сторон – чужого времени резину
и червячков едва ползущих с края

И удивился юный дух Муух:
Неужто этот скудный мир и слизи
есть тоже проявление щедрой Жизни?
Но что они? Что их интересует?
И цветомысли что им там рисуют? —
(мяучик был отброшен и потух)

Ждут ли они рождения Сверхновой
и тоже коллапсировать готовы?
А гонки – гравитации скачки
когда дрожат все мыслимые сферы!..
Нет просто червячки как червячки
их солнце тоже – скромные размеры

Предположить что в этой плоти дух
что их ведет божественная воля
и что один из них легко и просто
вообразил Мууха и присоска!..
Дух пузырьками прыснул из меоля
перепугав каких-то трех дремух

НА СКЛОНАХ ДАКАРАГА

Когда сумеречная наволочь
наползает с лугов на сюррюки
затопляет базальты граниты
тогда тень от небесного шара
оставляетверху лишь полоску —
драгоценный отблеск каонита
из туманных низин и ущелий
на охоту выходят икварки
верные похиты Дакарага

Рыжие пятнистые как рыи
длинные ушастые как оги
то ли силуэт на фоне неба
то ли тень высоко на дороге
только в горы лучше не соваться
ни отанику в рваной кольчуге
ни горцару в голубых окальных латах
бластеры и трубы не помогут
молния отскочит как от камня

Из Готара ехали мардуки
чернобородатые в металле
ехали шутили хохотали
девушек хватали – обижали —
и бежали их черные садуки —
как в скорлупах – в латах шишковатых...
Там в лугах – одни пустые скорлупы
там кричат и прядуют пируя
хохлые стервятники-караи

Каменные ядра пролетают —
слишком близко ходят наши луны
озаряя белым диким блеском
серые граниты Дакарага —
и тогда горят рубином синим
все три глаза старого инкварна
он стоит среди кустов калярий
и сухих колючих астролярий
смотрит но не в небо – выше дальше

Ждет ли некой вести голубиной
но молчат туманные глубины
хоть бы капля прочертила небо...
Только слышен скрежет меднозуба
и мигает бледный рой мехлушек

Так всю ночь зиять влиять и слушать
чтоб никто – ни люди ни скарабы...
Тайна – это кратер Дакарага
в кратере октаэдр – корабль

ПРОЛЕТАЯ

Легуры лигаты и длинные змыры
когтисто-крылаты хвостато-стрекаты
порхающей сеткою света объята
и льдистою влагой омыты
пролетали незримо над городом

И вдруг увидали что их увидали
широко расставленные детские глаза
в которых легуры лигаты и длинные змыры
стреляя зелеными молниями
проносились над городом

Легуры лигаты и длинные змыры
ринулись вниз на огни и коробки
огни распадались на улицы автомобили —
факелом полыхнул вертолет —
все двигалось шум вырастал
ВДРУГ – все окунулось в черное масло —
последняя лампочка лопнув погасла

Легуры лигаты и длинные змыры
ходили по крышам террасам балконам
когтистые лапы скребли по карнизу
крылья с крюками волоклись по бетону —
громыхало железо
неохотно светало
На краю небоскреба химерой
навстречу лиловому шару
встал остроголовый Васдука —
дриадон троеклювый —
Утопая в солнце топазовыми яблоками
детское тело когтил

ЧУДОВИЩЕ

Запечатан как в банке в тесной каюте
проснулся младший сын и баловень семьи
младший лейтенант из отряда кораблей – ракетноносцев
качнуло – но еще за секунду до этого

наконец

тысячелетия он спал в напластованиях ила
положив свою плоскую мордавищу на скалу —
дакирон порфиросный из семейства кронозавров
из отряда змеевидных – змеегигант

свободен

там высоко-высоко приплясывая на волнах
ходили красивые серые смерти
в них бегали ногастики головастики
в воду роняли стальные рогатые яйца

свободен

Гулкое бум толкнуло головищу
кольца пошли развиваться в глубинную муль
и где-то там лопатое хвостанище
шарахнуло ломая затонувь

свободен от вахты

и младший недоумевая
смотрел на стену – ряд заглупок
рукой оглаживая скалы
где отросла уже щетинка

свободен от вас балбесов

(мигал и выл сигнал тревоги)
пошел пошел километровый
шипастый хребтина в зеленой слизи
с шипеньем ввинчиваясь в верхние слои

от бесконечных придирок

и дакерон порфиросный
хватая ртом пустую эту звонкость
по-рыбы пуча бледные глаза

вдруг увидел какого-то ногастика – в отверстии —

от помолвки

совал ему – конечно угрожал
блестящее – поднос с кофейником
Мыс вытянул свои берега – оконечности
свел и сдавил... а тот уже вывалил язык (музык)

от навязчивой Кэт

услыхав в коридоре мык и гремяк
мичман мотнулся в каюту мл. лейтенанта
отвисла челюсть – на полу стюард ничком
а Дэвид – полосатый волосатый – целится кофейником

от поездки к родителям

Бомс! – водный смерч ударил в небо столбищем
лоханка – океаном! рокабль перехлебнулся!
шпангоут вам в даг! – из туч на морячков
смотрела бабья жабища с ухмылкой —

обязательно к тетке – «Дом на холме»

развратная бугрящаяся в мыле
(так утверждал потом мичман Т. С. Элиот
а не верить ему я не имею причин)
нет нет это не было лицом младшего Дэвида

– Дэвид зачем ты это сделал

Он их давил – по дюжине на коготь
сминал перешибал надстройки переборки
вмиг! – косо перехлестнуло хлябь и свет
ах мозгоножки! успели-таки всадить ему заряд буркет
в брюхо

– Десять суток ремня негодяй

Доктор – бледный поднялся с пола показал шприц – пустой
мужчины растерянно смотрели на лежащего – он спал
дакэрон порфириноносный из семейства кронозавров
из отряда змеевидных – змеегигант

А б с о л ю т н о...

ВСТРЕЧА

Арух – свободный дух
в горах витая летним утром
случайно встретился с компьютером
Ввысь поднимал эфирный ветер
внизу дремал чернея кратер
летали люди вроде мух

Вынырнув в этом времени
из своего – из незримого пламени
понял еще не ступив в эту реку
время принадлежит человеку —
просторы сознанием своим озарив
все гладко – загадка – наткнулся на риф:

с такой быстротой шла работа счета
как будто кто-то настигал кого-то
мчались водопады цифр – шел за валом вал
и недоумевая:
так не ведет себя материя живая —
Арух за ними еле попевал

Арух – свободный дух уразумел итог
Ты слышал как смеются духи?
При ярком солнце крик совиный...
Сходили снежные лавины...
Все небо было в этом смехе —
и времени унес его поток

ПЕСНЯ

Я придумал: олуби ихтасу
и увидел гнездо и какую-то горную трассу

Я подумал: лагоре эребос
и увидел море автобус

Я услышал: илария лов
и увидел тень за тканью слов

СТРАЖИ

Там на страшной высоте
режут сильные линоны
длиннокрылые линоны
тамнастра и тимносте

озирает тамнастра
тамнасиние падины
где восходят саладины
соболея до утра

там на страшной высоте
искра хлизнула – блеската
нисходящее стоккато —
и ныряет тимносте

тамнастра и тимносте —
чутко стрееет эта пара...
только серая лунара
в стороне пройдет как тень

ЖУРХА

Журха урхала и мурхала
следила высунув стрекало
высвечиваясь как в луче
за тем что называют че

как че само себя лучало
попеременно выставляло
что называют ру и но —
движенье было учтено

Жужука стала делать так
и сразу так настрекуляла
что все смешала – свет и мрак —
и чусти с клясти посцепляла

И мурехла ей прожужжала:
зачем и чем ты подражала?!
Жухра вспухала тяжело —
она урхала и мурхала —

и букву Q изображала

ШАРДАХЛА

По ноге мертвеца
мурмуришки – улица

Шардахла – умница
корешки журжакла
косолоки вурдахла
соки слакие пила
чуяла движение —
комьев раздвижение
свирла в раздражении

Дом требует починки
посыпались личинки
роет гладкий гнуцирос
тычет нос – светонос
под щитки – и в хьюс и в клиз
влез в заветный вокализ
шардахла поберегись

Еле-еле шардахла
свой тавот ушардахла
мертвецу – ноге – под ноготь
и сидит пуская деготь

ХЛЕН

когда еще – еще когда
предутреннее никогда
пустынно уступает хлену
когда в окне светлеют не
дома не окна не в окне —
бо видит небо перемену

когда не знаешь – Свет ли Звук
ли – перехленилось вокруг
и реют светлые хленизмы
я просыпаюсь и хленюсь
еще я жизни не боюсь
и сонно дышат праленизмы

В ПУТИ

длинная степь за стеклом вагонным
кто движется сам
кто движется сум
несом к небесам
лицом унесен лесом парасонным

махнул рукавом
нигде никогда никгдагда никгдогдо

черно угублен
в зерно углублен
син сен сун сон

СОТ В СОТ

а что это? не утро и не веч
не день не ночер
и не посолонь
но дует все оттуда
супесок
след в след
свет в свет

а это что? не рено и не лон
не мрань не кроно
и не стробан
но шрует све оттуда
шарабонь
сет в сет
сот в сот

с высот

В САДУ

(романс)

Алорихи плясали по верхам
и лорхи шалашились и блестели
шушурики ходили как хотели
по ворохам

Меж тем прошла в лалифе Танаиф
всей решетью боженственно живая
Сны вижу но ловлю не успевая —
лишь тени их

И всякий ржестлик жабо-золотой
и каждый краплик хрусткой паутины —
все лишь мазки и зяблики картины
забвенной – той...

ОЧЕВИДНОЕ

Ты пошарил глазами – нащупал меня – не увидел
Нечто бурое – пыльный мешок – не увидел
Коридором прошел – (следом – тенью большой) – ну! глаза подними – я мелькаю
возьми! – не увидел
Опусти – на стене – вот я – боком угла – здесь я – взгляд щекочу – я взбугриться хочу
– не увидел
Я босой – по воде – на паркете прошлепал сейчас – свет! – отбросил его! – заслонил
тебя! спас! —
не увидел
Эта кровь – этот смех – эти алые соки на всех – голоса зеркала – смуглой рыбкой тела
– не увидел
Прямо тут – подавились друг другом – но жрут – и вон там – на балконе – расплавив
стекло – тянет мысли твои из тебя и тепло – не увидел
И на улице там – выпотрошил и заглотал – съели время и воздух – источили и дух и
металл —
не увидел
Им и сумерки – суп, и людишки – ества – в колоссальный желудок в перспективе уходит
Москва —
не увидел
Так пирует незримое нечистью всей – ты и сам – пирогом и твой разум – кисель не увидел

БОЛШЕВО ЗИМОЙ

Вдруг пространство разъехалось с визгом
и в искристом провале – внизу я увидел себя
шапка – ноги – расплюснутым – близким

...Вечереют снега – я иду на зарю
дачной улицей – прямо в лицо январю —
и ощерясь на ветер себе говорю

Ты которого я не знаю и знал всегда
из какой ты субстанции? – солнце? звезда изо льда?
онемел подбородок – тру!.. а тебя излучает сюда —

Вдруг почувствовал – вспышкой света – к ветру спиной
как ты въехал в меня как знакомишься ты со мной —
и синея насквозь мой поселок блеснул новизной

Это было: солдат – силуэт дом и дымка
Так же думал – не думал мы слиты – мы дышим – одним
я – усатый в дубленке и я – огонек невидимка

АРМАГЕДДОН

– В себе что видишь, женщина?
– Там алое, там золото,
Кинжалы и камзолы там,
Идут, идут торжественно.

Штандарты и знамена там,
И грифы и вороны там,
И графы и бароны там —
И нищих миллионы там.

Средневековой Англии
Подобно это шествие —
И пламенные ангелы
Орут, как сумасшедшие.

– Еще что видишь, женщина?
– Из бронзы маски бонз,
Рты рваные, как трещины,
И лбы их ярче солнц.

Монашки за монголами
Блестят ногами голыми —
И заывает плоть —
Хватать, щипать, колоть!

Что это за нашествие?
Чье это сумасшествие?
– Здесь гордость, злость и лесть,
Корысть и любострастие,
Грех со слоновой пастью
И грех еще клыкастее...
И всех не перечеть!

Летят, трубят и каркая!
Ты их игрушка яркая,
Их приз, добыча жаркая,
Ты – их дворец и трон,
Вся – боль и унижение,
«Ты – поле их сражения»,
Ты – их Армагеддон!

АНГЕЛЫ СЛЫШАТ

Светом слышат ангелы в стане Силоам
детское дыхание – предшествование словам

Слышно им как просто думает старик
«Умираю... Выпал снег... Вообще привык...»

Слышат много умных слов – но лишенных смысла —
это человечество маревом повисло

Слово МИР как слово МИФ...
Вместо БОГА – БЛАГО...
тлеет гноем лопаюсь – корчится бумага

И на самом дне слова будто муравьи
их не слышат ангелы —
а все о любви

1987 г.

ДАМОН

И эта радость святотатства —
и этот гнев – и это чувство
неправоты и превосходство
как зуб больной уходит в детство —
в присущее тебе уродство
Так! раздувая свары гомон
ручаюсь некий демон Дамон
срезает голову твою
от плеч неслышно отделяет
и приставляет голову свою —
и голова врет брызгает и лает

И приходя в отчаянье «что я делаю?
зачем? ведь я ее люблю!»
выкрикиваешь оскорбления
и даже «я тебя убью!»
Он хочет крови демон Дамон —
и тут в игру вступает сам он
(полуистлевшие клочки могильной ткани)
«Ах если бы я знал заранее!»
сует ножи предметы в руки
(убей убей мерзавку суку)
в мозгу какое-то верчение —
(и непременно будет облегчение)
вид жертвы только накаляет —
и на плечах твоих камлает
рогатая башка козла...
Скорей уйди! уйди от зла

ВЕСЕННЕЙ НОЧЬЮ

Душа часто думает о себе в третьем лице: он, она, они.

отделяется от спящего
тенью – бледное чело
протекает сквозь стекло
ночь вдали шумит навязчиво

но к постели обернулся
где преследуемый догом
(кто?) тонул во сне глубоком
чутких век его коснулся

дёрнулся и перевел дух
сразу легче стало
созерцая блеск кристалла
тот бормочет: «крылья как у мух»

«что о нас ты знаешь! спи» —
так подумала любовно
что влилась в него и словно
высветила все черты

но тянул и звал магнит
искра длинная седая
не навеки покидая
вверх параболой летит

далеко платформы крыш
близко месяц синим краем
ты теперь неузнаваем
к возносящимся спешишь

белый голый месяц вылез
вы склубились и слились —
и смешалась даль и близь —
и в безличном растворились

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО КАРАДАГУ (1990)

ФОРМА ГОЛОСА

Коктебель 1990 г. Лето.

«навстречу кругу, выцветшему флагу...»

навстречу кругу, выцветшему флагу
навстречу белой набережной, копьям
ограды, парку и кинотеатру
открытому с толпой зеленых скамей
навстречу чайкам – в солнце ослепительным —
в сознании – зигзагом – с горизонта —
и сразу на полнеба – крылья гарпии!
на фоне пляжа, вешнего цветенья
чудовище мелькнуло быстрой тенью —
в душе еще стоит разгром и визг
но пахнет серебристый тамариск

«проснувшись, ощутил себя двумя...»

проснувшись, ощутил себя двумя
моим лицом и сердцем были оба
я в зеркало смотрел – и сам я был
зеркальным отражением! – я падал
в колодец звезд! – и сам себе навстречу
летел из неба – звездного колодца —
и весь как дождь пронизывал себя! —
нас было двое – Существо и Сущность
но Существо могло быть только Сутью
А Суть могла быть только Существом

ПЕЙЗАЖ ВО СНЕ

...хотя они могут ощущать некоторый дискомфорт а иногда легкое беспокойство
...рентген показал затемнение в правом легком
...она поднялась им навстречу
...поодаль белели здания воинской части
...и преуспевать нарушая нравственные требования

два врача – один с подозрительно знакомой бородкой – знакомый? – подозрительно знакомый с бородкой – с подозрительной бородкой? – с бородкой – другой молодой улыбчивый – другой молодой? – улыбчивый – первый крепко держал ее запястье – второй допрашивал красивым баритоном

–сексуальные партнеры были?
–сексуальные партнеры были?
–рентген показал что были
(пропела знакомая бородка)
–рентген показал что были

баритон повернулся к ней спиной и попросил развязать сзади халат – она задумалась – он просил развязать сзади тесемки – тесемки? – она забыла как это делается – он попросил – она забыла: как это – развязать? – как это? – как? – он был совершенно голый – волосатый пониже спины – как это – развязать? – черно-волосатый – развязать? —

знакомый ее тоже голый свою бородатую голову держал под мышкой – держал под мышкой как портфель – свою бородатую голову в очках – портфель в очках – держал под мышкой – голова назидательно говорила: можно жить и преуспевать нарушая нравственные требования – жить и преуспевать нарушая – нарушая нравственные – требования жить – требования преуспевать – и преуспевать

вовсе ей не было больно когда они ее убивали – когда они ее не больно – вовсе ей не было – когда они ее когда – а рентген показал затемнение – рентген показал не только некоторый дискомфорт но и легкое беспокойство – она ползла истекая кровью

истекая кровью она ползла – по колючей траве она ползла по колючей – она ползла истекая кровью – кровью ползла по траве – а оттуда из-за холмов в лунном сумраке уже бежали – бежали вдоль моря длинные бежали – бежали раздувая ноздри жабры: сейчас! сейчас!

она поднялась им навстречу – она поднялась и стала туманом – некоторое время они бесцельно сновали в тумане нюхая: вот она! вот она! – она почувствовала их горячность и нетерпение – и еще оставаясь туманом обернулась такую же тварью – сразу учуяли!

полупустая луна побледнела – возле моря в тени от холма двигались хищные тени – изда- лека прожектор шарил по берегу – в ярком луче скалились щучьи морды – вставала шерсть на загривке – поодаль белели здания воинской части – вдруг на стрельбище как со сна сдуру застучали тяжелые пулеметы и вверху рассыпалась зеленая ракета – снова тихое снование у моря

это был воздух смерти – тень любви – пейзаж во сне

ВНИМАЮЩИЙ

...может быть с одной из звезд – может быть они летят с одной из звезд – из одной из черных дыр – из одной из черных дыр откуда не доходит свет они стремятся в этот мир – стремятся – не доходит свет – стремятся в этот свет и входят в галактике на вираже – из лап косматого ничто в бегущие навстречу звезды – входят в галактику на вираже – на вираже в галактику – возможно здесь уже...

попробую нарисовать звездам внимающего – портрет внимающего звездам – портрет человека внимающего – попробую портрет не просто человека а звездам внимающего – попробую его нарисовать:

во-первых нос – внимает звездам нос

на темени заметен третий глаз – он слеп еще – еще не разлепился – но свет ему о чем-то говорит

к тому же внимающий раскрыт разъят и плавает свободно как лилия вне органов своих и главное: над головой лиловый свет – лиловой черепашкой

здесь на холме возле дома – на самом дне космоса здесь на холме – возле белеющей стены бесхвостой рептилией сижу – такой наивной ящери-собакой – космической рептилией сижу – здесь на холме на самом дне беззвучно квакаю на медную луну – на медную луну беззвучно – здесь на космическом холме возле космического дома сижу и квакаю беззвучно – послушен зову и лучу

– здравствуй Большая Медведица – на полнеба ночная бабочка – звездное насекомое с длинным алмазным хвостом —

«здравствуй здравствуй» – слышится со всех сторон сухой трепет – то ли звезды то ли цикады – живой огонек – зеленый шевелится в сухих колосках – чуть подуешь – сразу разгорится – в сухих колосках на склоне – «здравствуй здравствуй» – потечет изумрудным пожаром —

«здравствуй здравствуй» – кузнечики стрекочут – местные прыгучие лошадки – слышу шепот у самого уха: «люди посмотрите на себя – у вас отсвет на лицах – у вас зеленый отсвет на лицах – у вас отсвет на лицах зеленый – потому что вы тоже – не земляне»

луна именно выполняет роль ретранслятора как зеркального отражателя – луна именно выполняет роль – выполняет роль этого неровного глыбоватого отражателя – двусмысленно зеркально искривляясь луна именно выполняет роль – выполняет роль этого – этого зеркального – луна именно этого глыбоватого – именно выполняет роль – именно луна – серебром заливая землю – море – мокрые спины чудовищ – ковыльно-полынные холмы – душу сплошь – именно луна выполняет роль этого зеркального глыбоватого голубоватого ретранслятора

Большая Медведица низко – еще низко холмами садами – и сверкает как праздник – поднимаются из садов – из темных оврагов звезды – ходит праздник низко над холмами – низко над холмами садами то ли звезды стрекочут то ли цикады – поднимается выше в глубину неба – то ли звезды то ли цикады – поднимаясь ковш рассыпает звезды – разлетаются в глубину ночи то ли звезды то ли цикады – над холмами над садами – всюду праздник – только ближе к утру побледнеет трезвея небо

ПАМЯТЬ

обратили ли вы внимание когда по телевидению показывают – когда показывают по теле-
видению – когда показывают – обратили ли вы внимание когда —

о Господи!

«я не верю но сколько живу в церковь заходил – заходил в церковь – зайду бывало в
церковь и не верю – я не верю но сколько живу в церковь заходил»

прости наши про

...глинистая дорога заворачивала в орешник – я поглядел вверх – крупные зубчатые
листья плотно лежали друг на друге —

орешков не было видно – может им еще не пора – орешков не было видно – я даже не
стал пробовать пригнуть толстые глянцевитые пруты – может им еще не пора – я поглядел
вверх: орешков не было видно – мне даже не захотелось пробовать – может еще не пора —

о Господи!

«... когда топчут других – топчут себя уничтожая тем самым Богом данную»

прости наши про

лошадь бежала как-то боком, часто вскидывая крупом – на стальном стертом ободке
колеса мелькали налипшие остья соломы – крупные комья глины выпрыгивали из-под подков
– шмотья глины срезанные подковами как ножом летели в лицо

возница не оборачиваясь

он обернулся и попросил

то ли пел то ли рассказывал

молчал и клонился

...которого я так и не увидел

...на то были особые причины

...даже не вообразить

...не было ни лица ни самого

...у него было молодое лицо – лицо моей мамы – молодой мамы – молодой

о Господи!

...возможно когда меня везли с Алтая

...глазами младенца

...может быть когда приезжали к отцу в лагерь под Вологду

...глазами четырехлетнего

Дай нам неба Всевышний! хотя бы клочок сенца

«но если дом горит – если дом горит – если дом загорелся – запылал с четырех сторон –
не убережь не сохранить не оборонить не сказать»

« ты – огонь! ты – жара! ты – пламя! стой смирно дальше не ходи»

ромашка – серый цветок у доро

о Господи! неужели это все? – это и есть э т о ?

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО КАРАДАГУ

... всего лишь точка на карте – а за ней удивительный мир каменных пиков – всего лишь точка на карте а за ней удивительный мир каменных пиков горных вершин – всего лишь точка на карте а за ней удивительный мир каменных пиков горных вершин подернутых дымкой

...текущими клочьями туч
...встающими в полнеба облаками
...резким синим небом
желтая свеча – асфоделия

... всего лишь точка на карте а за ней —

облик его напоминает пейзаж на фоне которого Леонардо —

облик его напоминает пейзаж на фоне которого самая знаменитая в мире дама – на фоне которого – самая знаменитая – и возраст весьма почтенный – 150-170 миллионов лет —

нет Карадаг не похож на Фудзияму – Карадаг не похож на Фудзи – плюньте тому в глаза кто вам скажет что Карадаг похож на Фудзияму – обломайте ему рога!

... именно осенью здесь ощущается какая-то особая гармония – нет Карадаг не похож на Фудзияму – именно осенью здесь ощущается – нет не похож

... на северных склонах леса из редких пород деревьев – можжевельника высокого и фисташки туполистой – на северных склонах можжевельника и фисташки – на северных склонах

... подводные скалы и хребты просвечивают красным – подводные скалы и хребты – подводные скалы

... он карабкался за ней по скалистым ступеням – камешки осыпались из-под скользких сандалий – ее быстрые ноги все время мелькали впереди – ее быстрые ноги лодыжки – ее быстрые ноги все время мелькали впереди ее быстрые ноги

... нет Карадаг не похож на Фудзияму – асфоделия – ее смуглые колени как сестры – он подумал: «теперь – самое время» – поодаль торчал каменный чертов палец – струились ее легкие лунные волосы

– он подумал: «как нехорошо я о ней подумал» – поодаль торчал каменный чертов палец – струились ее мягкие лунные волосы

– он подумал: «теперь – время уходит» —

струились ее легкие лунные пальцы – поодаль торчали каменные чертовы волосы... он подумал: «черт! уже поздно»...

ему не хотелось пугать ее или огорчать – ему не хотелось – пугать ее или огорчать ему не хотелось – ему не хо...

он схватил ее за волосы

над самым ухом у него кто-то вздохнул

она сопротивлялась

она не сопротивлялась

сверху на них глядели

сверху на них никто не глядел

нет ему не хотелось пугать ее или огорчать

... внизу качалось море – чайки взлетали наравне – внизу качалось – чайки взлетали – море качалось и взлетало – чайки взлетали и качались – сверху на них глядели – сверху на них никто не глядел

Впечатляет вид Коктебеля сверху – мы поднялись гуськом на Тепсень на закате – на закате по горному лугу бежали собаки – впереди бежали собаки – впечатляет вид Коктебеля сверху...

...хребты за хребтами

солнце садилось – солнце садилось растекаясь по зазубренной четкой линии – прожигая горизонт насквозь солнце садилось – вверху зеленело светлело – ослепительная полоска – впечатляет вид сверху – домики Планерского – эти домики Планерского – домики как домики

Следует особо отметить несуразность современного названия – следует особо отметить – я схватил ее за волосы жестко – следует особо отметить – я причинил ей боль – она запрокинулась и крепко ухватилась за меня – следует особо отметить несуразность – мы падали рушились вместе с чайками с Карадагом —

выхваченная из моря молниеносно она блеснула на солнце – следует особо отметить – рыбка —

следует особо отметить – я нес ее простирая все шире крылья а она все крепче сжимала меня в своих когтях – несуразность которую следует особо отметить...

Как верно подметил Максимилиан Волошин именно эти силы сформировали современный облик Карадага – именно эти силы – как верно подметил Максимилиан Волошин – нет Карадаг не похож на Фудзияму

МНОГОНОЖКА НА АСФАЛЬТОВОЙ ДОРОЖКЕ

...по асфальту быстро-быстро

...по горячему асфальту

она бежала по асфальту быстро-быстро – длинная с намеком на талию – у нее были У и тяжелые хищные челюсти – долгое брюшко с намеком на талию – главное она умудрялась бежать быстро-быстро – если принять во внимание ее размеры она бежала как великолепный орловский рысак – я наклонился чтобы ее рассмотреть – чтобы рассмотреть ее поближе – длинная гладкая и гнедая – у нее были все стати рысистой лошадки – на дерби она взяла бы первый приз – честное слово я бы поставил на нее не будь она такая – страшная

добежав до середины дорож

она подняла У

она стала водить головой туда и сюда – стала водить ими туда и сюда будто услышала меня – а я ведь действительно подумал: «куда бежишь бедолага? задавят ведь» – и она услышала меня – она остановилась подняла У и стала водить ими туда и сюда

длинные загорелые шли мимо парни и девушки

шли мамы с хныкающими детьми

шли пожилые мужчины массивные волосатые

шли полные женщины трясая телесами

бежали легкие подростки

но их ножищи!..

их голые ножищи!

ударяли об асфальт как гигантские утюги – каждая могла ее раздавить – ноги падали как огромные штампы оставляя выдавленные отпечатки на земле – каждая могла ее раздавить – земля вздрагивала...

...далеко вверх уходили буро-мясистые поросшие шерстью живые столбы – чем они заканчивались где-то там далеко нельзя было разглядеть – возможно они уходили в бесконечность и соединялись там в общей мясной вселенской плоти – может быть просо истончались истаивали в туманной вышине

не подлежит никакому сомнению что Ж видела все иначе – не подлежит никакому сомнению что Ж видела все – но она видела все иначе – она видела все иначе – но она видела все иначе – иначе чем иначе

информационно-поисковая система

работает на молекулярном уровне

содержит бесчисленное количество данных

программное обеспечение позволяет производить выборку

дискеты с адресами и инструкциями высылаются

система элегантна и проста в обращении

строит модель реальности

оригинальность и компактность построения

модель реальности соответствует реальности

и позволяет принимать правильные решения —

но как модель она не соответствует реальности
и тем самым не позволяет принимать правильные решения
система направлена —
система не направлена
система закодирована —
система не закодирована

8.00 – утренняя гимнастика – опасно
8.15 – футбол чемпионат мира – опасно
9.15 – премьера документального фильма – опасно
9.45 – фильм детям «Примите телеграмму в долг» – опасно
опасно – опасно – опасно – опасно

Ж решительно повернула обратно – и быстро-быстро лавируя между ног проходящих – поблескивая по дорожке длинным лакированным телом – исчезла в спасительной зелени – на солнце

РУССКАЯ ЛИРИКА

Э. Лимонову

почему я молчу понять можно – но почему молчите вы? – почему вы молчите? – почему я молчу понять можно – но почему?

ждала встретиться не так но все равно была рада – не так но все равно – ждала встретиться – все равно была – ждала встретиться не так но все равно была – была рада – ждала

что забыл просить вас – я был так счастлив так спокоен что забыл – этим вечером я забыл – я был так счастлив так спокоен этим вечером – я был так счастлив так спокоен – так спокоен этим вечером что забыл – я забыл – я забыл просить вас – я был так счастлив так спокоен этим вечером что забыл просить вас

и вот он все ходит ходит по комнате потом сядет и посидит – и вот он все ходит ходит – ходит ходит по комнате потом сядет – сядет и посидит

ты хороший – ты лучше всех – ты единственный – ты хороший – ты хороший – хороший – ты лучше – ты единственный

но действительно действительно только в этом и весь секрет – но действительно только в этом – только в этом и весь – но разве это не страдание? —разве это не страдание? – действительно действительно только в этом и весь секрет – только в этом и весь секрет – только в этом

убирайся вместе с ними чтобы духу твоего тут не было – убирайся – убирайся вместе с ними – убирайся чтобы духу – убирайся чтобы не было – чтобы духу тут твоего – вместе с ними – убирайся вместе с ними чтобы духу тут – вместе с ними – духу тут твоего – духу тут – духу – прости меня – прости

ПОХВАЛА ПУСТОТЕ

девушка идущая к морю —

девушка идущая к морю поправляет одним движением свои белые волосы – плечо локоть и длинная кисть руки – одним движением – естественная пустота – естественная одним движением – плечо локоть и длинная кисть – пустота одним движением – плечо локоть и длинная кисть – руки – винограда – ныряя из света в тень пустота бежит между легкими ногами – пустота бежит между ногами собачонкой – естественная пустота молодости

наблюдаю за

наблюдает за мной

наблюдает за мной и подстерегает меня всюду

постоянно предостерегает меня – и застают врасплох

одно спасение: пустота – пустота которая покой – пустота которая пустота

а пустота – скука которая в разговоре двух приятелей стоящих на белой набережной – которая в разговоре скука – которая в разговоре пустота – в разговоре двух приятелей на набережной – стоящих на белой – скука которая пустота

а дети – они гоняются за пустотой – они ловят пустоту – пускают мыльные пузыри – детский смех наполняет пустоту – пузыри со смехом лопаются – пустота их любимая игрушка – и ребенок отчаянно плачет: пустоту у него отбирают – когда взрослые отбирают пустоту – когда безжалостные взрослые отнимают любимую пустоту – дети плачут и пытаются ее снова схватить и присвоить

старые люди привыкли к своей пустоте и все-таки ждут – старые люди привыкли и все-таки – по привычке они развлекаются тем что видят и слышат но все меньше – все меньше участвуют в жизни – все хуже видят и слышат – и все меньше – по привычке они развлекаются но – и все меньше – но все-таки ждут

что жуют эти фальшивые пластиковые челюсти?

они жуют пустоту

отчего так сжимаются и разжимаются эти веснушчатые руки?

они теребят пустоту

что так шаркают эти подгибающиеся ноги?

они танцуют по пустоте

и куда улетают эти младенческие волосы с черепа

словно пух одуванчика?

они улетают в пустоту

почему постоянно жмурятся эти выцветшие глаза?

за толстыми линзами они созерцают столь ослепительную —

нет они не достойны —

может быть после может быть завтра —

нет они не готовы —

о чем никогда не рассказывают посторонним – не рассказывают никогда

полоска пустоты все ширится – там на другом берегу человек – далеко на другом берегу человек – он уже не ты – он уже они – он уже толпа – и не разглядеть – моря пустоты – океаны

одиночество – моя родная пустота я давно полюбил тебя – и теперь признаюсь – я давно полюбил и теперь признаюсь одиночество – признаюсь я давно полюбил тебя – моя родная – родная пустота

ну и слава Богу пожалуйста не спешите гневаться – ну и слава Богу – пожалуйста не спешите – не спешите гневаться – не спешите ну и слава Богу – пожалуйста не спешите

ФЕНОМЕН

нет сна не было – только легкое опьянение – нет сна не было – только легкое – нет сна только – было – только легкое

все средства хороши если они способны – все средства если они – если они способны – если они хороши – если они средства – если они если

можно воздействовать словом и жестом прикосновением и даже молчанием – даже молчанием можно воздействовать – словом и жестом – прикосновением – можно воздействовать даже молчанием – но можно и словом

резать!

и все-таки откуда берется этот феноменальный дар? – откуда берется этот? – этот феноменальный – этот дар – этот этот? – оттуда берется оттуда

...или чем иным можно объяснить сходство этих методов с методами Иисуса Христа? – или чем иным – сходство можно объяснить – можно методов с методами – можно иным – можно сходство – можно объяснить

режим питания – собачий: ем когда хо
режим сна – кошачий: сплю когда хо

вдруг в ней начинает нарастать такое мощное – вдруг начинает – такое мощное вдруг – начинает нарастать в ней – в нем – в них – такое мощное такое – такое вдруг

попадешь в наэлектризованную толпу на митинге и тебя уже трясет – в наэлектризованную – трясет в наэлектризованную толпу – попадешь и уже – на митинге и тебя – трясет и тебя – толпу и тебя – тебя и толпу

...из фильма Вайды

...когда под торжественный полонез Огинского колесница движется на кладбище – колесница движется из фильма на кладбище – колесница движется в наэлектризованную толпу – под торжественный полонез Вайды – колесница из фильма Огинского – трясет тебя и толпу – трясет колесницу – трясет Вайду и Огинского – под торжественный полонез – стыдно на себя смотреть – стыдно

если в течение жизни каждый ваш шаг
каждый ваш шаг снимать на пленку
снимать на пленку и потом смонтировать
смонтировать несколько серий
несколько серий человеку на экране
человеку на экране будет стыдно
будет стыдно на себя смотреть
на себя смотреть – одно и то же
одно и то же – и все повторяется
все повторяется – и стыдно на себя

ПРОХОЖИЕ

ею двигала жестокость а ему казалось: иначе невозможно – она подогривала свою жестокость а ему казалось иначе – невозможно! ею двигала жестокость а ему казалось

шутить? чтобы я себе позволял шутить? – шутить? чтобы я себе? – чтобы я? – чтобы позволял? – чтобы шутить? – чтобы чтобы? —

им овладела жалость – жалость ко всем и к себе – себя он жалел больше всего – жалость ко всем но себя он жалел —

он раскисал – он плавал в этом как в киселе – он плавал в этом и даже ставил рекорды – по плаванию в киселе

мне на бумаги смотреть не нужно я и так помню – мне на бумаги смотреть? – смотреть не нужно я и так – не нужно на бумаги – не нужно —

я решусь наконец – и вытащу все наружу – я решусь наконец и вытащу все – я вытащу все и решусь наконец – все – наружу! и я решусь – я вытащу все – я решусь

постоянно думаю о нем – но что было того уже не – постоянно то что было – но уже не вернешь не вернешь – что было того уже было – постоянно – о нем но думаю: не вернешь – о нем думаю: не вернешь

они меня ждут а я опоздаю – опоздаю нарочно ведь они меня ждут – они меня ждут а я – я нарочно – ведь они меня – они меня ждут

вообще я был о ней лучшего мнения – вообще я был – вообще я был о ней мнения вообще – о ней вообще

все думают: мы – брат и сестра но мы – мать и сын
все думают: мы – муж и жена но мы – дочь и отец
все думают: мы – брат и сестра но мы просто похожи
все думают: мы – муж и жена но мы просто похожи
все думают: мы – дочь и отец —
но мы – дочь и отец, брат и сестра, муж и жена
и просто похожи

оставим их пусть они идут
оставим их пусть они идут в толпе не зная друг друга
оставим их пусть они – каждый в своем
к тому же ничего другого нам не остается

«загорелая рука перетекала в темную кисть винограда...»

загорелая рука перетекала в темную кисть винограда
другая рука взметнулась ярким крылом чайки

не запоминающееся лицо уходило мысом и морем —
истаивало на горизонте

если серебристую полынь растереть в ладони —
так пахнет тело ее

внимательно глядят на меня бледные васильки цикория
над обрывом

может быть я влюблен в девушку по имени Коктебель

ПУТЬ МЕТАФОРЫ

сегодня в кустах сирени поставили умывальник
действительно я могу сказать:
я умылся кустами сирени

под абрикосовым деревцем
шевелится ящик с бутылками – воистину
потому что шевелилась тень деревца

порхала бабочка над капустой —
порхала разноцветная капуста
и в какой-то мере порхали мы все

метафора – темная бабочка
адресат и есть отправитель
мною написаны ваши стихи

ВЗГЛЯД ЯБЛОКА —

я посмотрел вверх на белое спелое яблоко и обрадовался ему

яблоко посмотрело вниз и обрадовалось мне яблоком

и во мне – не мое посмотрело на белое спелое и
обрадовалось

и все черные косточки – семечки посмотрели сквозь белое
спелое и обрадовались

и какое-то звездное облако посмотрело на нас – на меня
и на белое яблоко – и обрадовалось нашей радостью

ПИРАМИДА —

Я

построил

лестницу — сияние

по которой я выйду к ней

по которой я выйду к матери моей

по которой я выйду к живой матери моей

по которой я выйду к живой матери моей — кобре

по которой я выйду к живой матери моей — священной кобр

по которой я выйду к живой матери моей — священной

кобре на челе Ра

(Из «Текстов Пирамид» фараонов VI династии)

ЯСНОВИДЯЩАЯ —

по нашему переулку
спускается женщина
спускается слепая женщина в темном

к небу запрокинуто белое
– Ванга!
узкие губы
растянуты в полуулыбке

люди проходят разные – разные по возрасту – по образованию – а по убеждениям? – и по убеждениям – люди приходят
– ты же видишь: они слепые – слепые они – ты же – видишь

«Я поставлена здесь
Я поставлена где?
Я поставлена кем?
Я поставлена кто?»
– кто такая ясновидящая?
– такая видящая ясно: кто есть кто

«Я подаю руку заблудшим – отчаявшимся указываю путь – отчаявшимся подаю – заблудшим указываю – но руку подаю не я – не я путь»

... и тогда она бледнеет кричит голосом не имеющим ничего общего с ее собственным падает – тогда она кричит голосом – падает в обморок не имеющий ничего общего – с ее собственным падает и бледнеет: ничего-ничего – бледнеет голосом – голосом не имеющим ничего...

«мир будет возрождаться и разрушаться и претерпит много перемен – мир будет и претерпит – претерпит возрождаться – претерпит разрушаться – претерпит перемен – мы начнем говорить с людьми – мы начнем и наступит равновесие – мы начнем говорить и наступит – мы начнем равновесие – говорить равновесие – говорить и наступит с людьми – мы начнем и наступит»

вот они – сверкающие пляшущие точки – но самое невероятное только начинается – вот они – самое невероятное – пляшущие сверкающие —

в каменном переулке
тут под тутовым деревом
в кустах красной смородины на солнце
в белой прохладной комнате – полоса тени – полоса света – полоса – полоса – тени – света – стул – половик

знаю: не все во мне спит – они ходят на близких волнах – не все во мне знаю – они ходят почти прикасаясь – спит но знаю: почти прикасаясь – они ходят почти прикасаясь тканью мерцающей – тайной к сердцу которое спит

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.